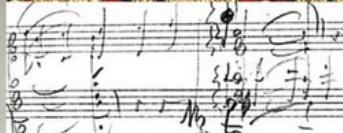

Музей

КАК ЛИЦО ЭПОХИ

Сборник статей
Игорь Александрович Харичев
Надежда Алексеева
Музей как лицо эпохи.
Сборник статей и интервью,
опубликованных в
научно-популярном
журнале «Знание – сила»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25452623
Музей как лицо эпохи: Знание – сила; Москва; 2017
ISBN 978-5-9500410-0-6*

Аннотация

Сборник статей и интервью, опубликованных в научно-популярном журнале «ЗНАНИЕ – СИЛА». В сборник вошли статьи и интервью, опубликованные в рамках проекта «Музей – как лицо эпохи» в 2017 году, а также статьи по теме проекта, опубликованные в журнале «ЗНАНИЕ – СИЛА» в разные годы, начиная с 1960-х.

Содержание

Создавая портрет эпох	5
Очень яркое время	9
Галина Щуцкая[1]. Уникальный музей в Зарядье	11
Елена Генерозова. Палаты бояр Романовых	23
Сигурд Шмидт[2]. Таинственный XVI век	40
Тайны последних государей из рода Ивана Калиты	45
Было ли злом местничество?	52
Против Ивашек и Матфеек	55
Вадим Корецкий[3]. Таинственный XVII век	60
Загадочные указы	62
Споры вокруг гибели царевича Дмитрия	64
Таинственная личность	68
Пропавшая летопись	76
Нина Молева[4]. Этот непонятный XVII век	80
А может, начинать с «либерей»?	83
К знаниям приходят по-разному	87
Искать, чтобы найти	92
Было это время Скобеева Фрола	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Музей как лицо эпохи

Некоммерческое издание, не предназначено для продажи.

Издание осуществлено в рамках проекта «Музей – как лицо эпохи», реализуемого с использованием средств государственной поддержки, выделенных в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 68-рп от 05.04.2016 и на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией «Союз пенсионеров России».

© АНО «Редакция журнала «ЗНАНИЕ – СИЛА»

Создавая портрет эпох

Эта книга – итог проекта «Музей – как лицо эпохи», который осуществил научно-популярный журнал «ЗНАНИЕ – СИЛА». Осуществил не случайно. Журнал неоднократно писал о музеях. В разные годы выходили статьи о достойных представителях этих «хранилищ прошлого», о том, как они «стряхивают пыль веков» и осваивают новые формы работы, как стараются соответствовать времени, превращаясь в центры интеллектуального притяжения, где возможно объединение людей разного возраста и разных пристрастий. Казалось бы, все темы исчерпаны. Но нет.

Есть сельские или городские усадьбы, или даже отдельные дома, связанные с именами людей выдающихся – писателей, художников, композиторов, государственных деятелей. Дома эти давно превратились в музейные объекты и дают прекрасную возможность увидеть обстановку, в которой жили эти люди, давно ставшие историческими личностями, ознакомиться с их вещами, картинами, рукописями, партитурами, письмами, книгами, – словом, всем тем, что составляло смысл, содержание их жизни. И через них, через обстановку, вещи увидеть, понять этот смысл, почувствовать биение, нерв их ежедневного существования.

Но как бы это ни было само по себе важно и интересно, значение музейных объектов культуры гораздо шире. Ко-

гда-то здесь, в залах, гостиных, кабинетах, текла жизнь. Звучала речь, музыка, смех, здесь обсуждались самые важные на тот момент вопросы – семейные, политические, здесь увлеченно спорили о жизни, музыке, литературе... Это можно «услышать». Узнать, какие книги читали, как обставляли и украшали свое жилище? Были консерваторы или либералы, скучные или веселые? И главное – чем занимались, чем прославились?

Прошедшая жизнь здесь как бы остановлена, и мы можем ее разглядывать и изучать. Изучать не предвзято, без навязывания чужих точек зрения и идеологической пропаганды. Это огромное преимущество любых музеев. Музей так же, как документ, свободен от нынешних ярлыков и мифов. Он говорит самим своим существованием и языком своего времени без искажений, ошибок и заблуждений исследователей.

Проект «Музей – как лицо эпохи», проект широкий, обширный. Цель его – рассказать о значимых периодах российской истории, об исторических личностях с XVI по начало XX века. Прежде всего, сами здания – повод для разговора, и весьма обстоятельного, об архитектуре. Не менее интересно всё, что связано с повседневной жизнью людей – где и как служили, как проводили свободное время, какую музыку слушали, какие книги читали, что ели, в чем ходили? И, наконец, что тогда занимало людей? Что двигало ими? С помощью проекта хотелось показать Историю России через историю повседневной жизни многих людей.

Проект «Музей – как лицо эпохи» повествует о шести усадьбах (и пяти эпохах):

1. Палаты бояр Романовых, которые расположены на улице Варварка в Москве и являются филиалом Государственного исторического музея. Это рассказ о жизни в Москве и в России XVI–XVII веков.

2. Хмелита – родовое гнездо Грибоедовых и центральный объект Государственного музея-заповедника «Хмелита». Усадьба находится в Смоленской области неподалеку от Вязьмы. Это, прежде всего, рассказ о второй половине XVIII века.

3. Городская усадьба на Старой Басманной в Москве, связанная с именем Василия Львовича Пушкина, поэта, дяди Александра Сергеевича Пушкина. Теперь это музей В. Л. Пушкина, филиал Государственного музея А. С. Пушкина. Рассказ о дворянском быте начала XIX века.

4. Городская купеческая усадьба в Замоскворечье, в Щетининском переулке – теперь там Музей В. А. Тропинина и московских художников его времени. Это тоже рассказ о первой половине XIX века, но о купеческом быте и о жизни самого Тропинина, дом которого находился неподалеку от нынешнего музея, на Полянке.

5. Дом в Клину, который снимал в последние годы жизни Петр Ильич Чайковский. Теперь это Государственный мемориальный музыкальный музей-заповедник П. И. Чайковско-

го. Речь о второй половине XIX века.

6. Городская усадьба Льва Николаевича Толстого в Хамовниках. Ныне Музей-усадьба Л. Н. Толстого в Хамовниках, филиал Государственного музея Л. Н. Толстого. Речь о конце XIX – самом начале XX века.

В настоящем сборнике собраны не только статьи и интервью, напечатанные в рамках проекта, но и более ранние публикации, вышедшие в журнале «ЗНАНИЕ – СИЛА» в разное время, начиная с 60-х годов XX века. Все они рассказывают о том или ином периоде отечественной истории, о разных сторонах жизни в России, дополняя друг друга и создавая объемный портрет эпохи, которой они посвящены.

Важно отметить, что практически все статьи, представленные в сборнике, написаны профессиональными историками, искусствоведами и научными сотрудниками музеев. Это же относится и к содержащимся в сборнике интервью – их давали знатоки своего дела.

Тема патриотизма весьма популярна в последние годы. Наше общество ищет надежные точки опоры. Патриотизм есть любовь к отечеству. Но можно ли по-настоящему любить то, что знаешь плохо? Проект «Музей – как лицо эпохи» поможет глубже узнать наше прошлое, ощутить дух ушедших эпох. И только так можно пробудить гордость за страну и любовь к Отечеству.

Очень яркое время

Галина Щуцкая¹.

Уникальный музей в Зарядье

В центре Москвы сохранилось более 50 каменных зданий – палаты XVI–XVII веков. Одно из таких зданий стоит на улице Варварке, недалеко от Кремля. В нем расположен музей «Палаты бояр Романовых» – филиал Исторического музея.

Палаты были построены в конце XV века, а в середине XVI-го вошли в состав городского двора боярина Никиты Романовича Юрьева. На первом плане Москвы конца XVI – начала XVII века двор обозначен под № 15. В экспликации к плану, составленной в 1613 году, написано: «Двор Микиты Романовича, который был дедом ныне царствующего государя Михаила Федоровича».

Выкопировка из первого плана Москвы позволяет детально рассмотреть усад Романовых, его расположение и постройки.

Владение располагалось в нагорной части Зарядья, называемом в XVI веке Псковской горой. Усадьба «стояла на скате горы к Москве-реке в четверугольнике» – то есть, имела форму неправильного четырехугольника. (Точнее, не усадь-

¹ Галина Константиновна Щуцкая – заведующая музеем «Палаты бояр Романовых», филиалом Государственного Исторического музея.

ба, а двор, – слово «усадьба» тогда мало употреблялось). Высокая бревенчатая ограда окружала усад, состоящий из нескольких частей: боярский двор, церковный сад, огород, хозяйственные постройки.

Палаты, единственная постройка, сохранившаяся от усадьбы Романовых, построены по традиции древнерусского зодчества, «по хоромному типу» – буквой «Г», «глаголем». Если нужно было сделать пристройку к дому, ее выстраивали опять под прямым углом. Строили без плана, создавая из многообъемных и разновеликих зданий удивительные композиции. Своеобразной архитектурой, причудливостью построек высокопоставленной знати средневековая Москва поражала европейцев. Краковский дворянин Станислав Немоевский, удивляясь пышному великолепию столицы, отмечал, что «не менее придают величия городу и боярские усадьбы и дворы...»

Рядом с двором Никиты Романовича располагались дворы других бояр. Все они строились по типовому плану. В правом нижнем углу находился большой каменный дом – так называемые «палаты на верхних погребях». Палаты Никиты Романовича двумя этажами выходили на улицу Варварку. Небольшая их часть сохранилась до наших дней. В глубине двора, недалеко от западной стены, обращенной к Кремлю, стоит еще одно здание, которое называлось палатами «на нижних погребях». Как указано в документах, были здания и более древние. В центре усадьбы видно отдельно стоящее

высокое сооружение типа башни. Возможно, это повалуша – общая летняя, холодная спальня, куда могла на ночь уйти вся семья.

В юго-восточной части владения показана домовая церковь Знамения Пресвятой Богородицы. При ней были два придела: во имя Благовещения Богоматери и во имя Никиты исповедника Мидикийского, который считался покровителем Никиты Романовича. Въезд во двор был с примыкающих переулков. На плане хорошо видны ворота со стороны Кремля. Это парадный въезд. Был еще вход в усадьбу с другой стороны – южной, для дворни.

Планировка двора позволяла хозяевам жить в городе так же, как в вотчине – ни в чем не нуждаясь. На территории двора было много хозяйственных построек, без которых не могла обойтись ни одна городская усадьба: сараи, амбары, конюшня, баня, кузница, поварня, сушило, ледник, а также людские избы, в которых жила дворня. В подвалах дома хранилась казна и хозяйственные припасы. В среднем этаже, подклете, была кухня, или «поварня». Второй этаж, «жилье» или «непокоевые палаты» – каменная часть дома. Здесь долго не находились, то есть, не спали, не отдыхали, а проводили какое-то время. Следующий этаж, деревянный, назывался «покоевые палаты». Там были спальни, комнаты для долгого присутствия.

История двора в Зарядье и дома, которые сегодня занимает наш музей, тесно переплетается с судьбой нескольких

поколений его владельцев – Юрьевых-Романовых. Он сохранил историю заговора бояр Романовых против Бориса Годунова; историю жизни Федора Никитича Романова, он же Филарет, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси. Он был одним из участников заговора, в котором участвовали все пятеро его братьев. Более того: во главе заговора стояла, предположительно, его жена Ксения Ивановна.

Никита Романович приходился шурином Ивану Грозному. Брат первой и любимой жены царя Ивана Грозного, Анастасии, пользовался доверием и уважением царя. Старший брат Никиты Романовича Даниил, служил дворецким у царя Ивана Грозного. После его смерти дворецким стал Никита. На протяжении многих десятилетий он был одним из самых влиятельных придворных. Никита имел чин боярина. Этот чин имели очень многие, если не все, предки Романовых. Он давался и за заслуги по службе, но прежде всего – по происхождению («по отчеству»). Боярин – это был служивый человек по отчеству. В XVII веке даже князь может получить чин боярина. Тогда говорили: «боярин князь такой-то».

Никита нес ответственную службу: участвовал во всех приемах с иностранцами, был старшим воеводой во время военных действий, наместником в разных городах – все это отражено в документах. Когда Иван Грозный поставил его на сторожевые посты на юге России, Никита сумел укрепить границу, облегчил положение служивых людей, увеличил оклад сторожевым казакам и распределил сроки ежегод-

ной службы так, что она стала менее утомительной, отменил телесные наказания. Никита Романович был любим в народе, о нем сложили много песен, в которых он представляется добрым молодцем, справедливым, могучим, сокрушающим врагов.

К концу XVI века Никита Романович, у которого было много дочерей и сыновей, сумел их всех женить и выдать замуж так, что практически породнился со всеми знатными фамилиями. Но особенно он дружил с Борисом Черкасским, жившим в районе Никольской, прямо напротив усадьбы Михаила Никитича Романова. У них были очень тесные, родственные связи: Борис Черкасский был женат на сестре Никиты Романовича, Марфе. И потому, когда умирает царь Федор Иоаннович и в боярской думе начинает складываться партия против Бориса Годунова, в нее входят не только пятеро братьев Романовых, но и их ближайшие родственники, которые поддерживали их в борьбе за трон.

После смерти Никиты (1586) в усадьбе в Зарядье жили его сыновья Федор, Иван и Василий, а у Александра и Михаила были свои усадьбы. Федор Никитич, старший сын, тоже дослужился до чина боярина, служил при Иване Грозном, а затем при его сыне Федоре Иоанновиче. Он был в советниках настолько ближних, что, по одной из версий, Федор Иоаннович, умирая, назначил своим преемником именно Федора Никитича, хотя рядом с умирающим стоял и Борис Годунов, который практически уже правил Россией.

Федор Никитич после смерти отца тоже жил открытым домом. Об этом пишут иностранцы. В частности, голландец Исаак Масса пишет, что дом Федора Никитича всегда был полон гостей, которых он щедро принимал. Здесь мог бывать и Иван Грозный – отношения у них были самые близкие.

В 1596 году в усадьбе на Варварке у Федора Никитича и его жены Ксении Ивановны родился сын Михаил, который стал родоначальником новой царской династии – Романовых.

В 1600 году всех «Никитичей», так звали братьев Романовых, постигла страшная беда: их обвинили в заговоре, попытке отравить царя Бориса Годунова и притязаниях на престол. У Александра Никитича в подклете нашли «корешки», которыми якобы хотели отравить царя. По приказу Годунова несколько сот стрельцов было отправлено во двор Романовых на Варварке. Под стенами усадьбы произошло настоящее сражение, «так как боярская свита оказала отчаянное сопротивление... некоторых опальных убили, некоторых арестовали и забрали с собой». Всех братьев Никитичей, их детей и родственников арестовали и по боярскому приговору сослали в разные места.

Федора Никитича сослали в Антониево-Сийский монастырь под Архангельск и насильно постригли в монахи, он стал Филаретом. Монашеский сан отрезал ему путь к московскому трону. Это было нужно Годунову – он рубил род Романовых почти под корень. Жену Фёдора, Ксению Ива-

новну, тоже насильно постриженную под именем Марфа, сослали во владения Вяжецкого монастыря в Новгородский уезд. Их дети, четырехлетний Михаил и дочь Татьяна, вместе с тетками стали узниками Белозерской тюрьмы.

Двор на Варварке опустел, скорее всего, он был отписан на государя.

В 1605 году в Москву въезжает Лжедмитрий I. Он считает себя Рюриковичем, царевичем Дмитрием. Значит, Романовы – его родственники. И он возвращает из опалы тех, кто выжил: Филарета с семьей и его брата Ивана Никитича. Остальные братья погибли. Их останки по повелению Лжедмитрия тоже привозят сюда и хоронят в Ново-Спасском монастыре. Иван получает чин боярина, а Филарет – сан Митрополита Ростовского.

Однако приключения на этом не заканчиваются – появляется еще один Лжедмитрий. Филарет попадает в плен к Лжедмитрию II, а тот венчает его патриархом.

В 1610–1612 годах Миша Романов с матерью инокиней Марфой был в Москве и испытал на себе все ужасы польской оккупации, а потом и кремлевской осады. В октябре 1612 года войска второго ополчения под предводительством Д. Пожарского и К. Минина изгнали поляков из Москвы. В феврале 1613-го в Москве собрался Земский Собор, который избрал нового царя – Михаила Федоровича Романова.

Но до этого – еще одна история. Правительство Шуйского в 1610 году назначило Филарета в посольство к польско-

му королю Сигизмунду III просить на русский трон его сына царевича Владислава на определенных условиях. Но Сигизмунд III отказался выполнять условия и сам захотел сесть на московский трон. Отказавшись подписать подготовленный польской стороной окончательный вариант договора, Филарет был арестован поляками и оставался в плену долгих 9 лет. Освободить его из плена удалось только после долгих переговоров. К тому времени его сын уже был на престоле. Приехав в Россию, Филарет понял, что положение у него шаткое. Какой он патриарх? Ведь этот титул дал ему Лжедмитрий II! А сын хочет, чтобы он был законным патриархом.

22 июня 1619 года иерусалимский патриарх Феофан, специально приглашенный в Москву, ставит Филарета патриархом Московским и всея Руси.

И тогда принимается простое и остроумное решение. В 1619 году всех восточных, греческих патриархов собирают на Большой Всемирный Собор, который – уже законно – делает Филарета патриархом России.

Михаил вступил на престол в 1613 году, неполных семнадцати лет. Это был малограмотный юноша – он долго жил в ссылке, где было не до его воспитания. Такой человек управлять государством не мог. На первых порах фактически правила его мать, Ксения Ивановна, а с 1619 года – отец, патриарх Филарет. Михаил обожал своих родителей. В экспозиции музея представлены их письма – читая их, видишь, как трогательно все они друг к другу относились. Так вот,

в 1622 году Михаил дарует своему отцу второй титул – «Великий Государь». С этого времени Филарета называли «Великий государь святейший патриарх». Вся духовная и светская власть была сосредоточена в его руках. Он фактически стал первым правителем из рода Романовых. Это – первое двоевластие в России.

Федор Никитич был личностью неординарной, но и неоднозначной. Он справился с разрухой и начал восстановление России. В Историческом музее на одном из сводов можно увидеть генеалогическое древо от Рюриковичей до императора Александра III. И на этом древе изображен патриарх Филарет. Значит, в середине XIX века, когда создавался Российский Императорский исторический музей, Филарета считали правителем. А мы сегодня сравниваем его с его западно-европейским современником – кардиналом Ришелье.

Став царем, Михаил поселился в Кремле – там был государев двор, а усадьбу на Варварке стали называть «старым государевым двором» или просто «старым двором» на «Варварском крестце», «у Варвары горы» или «на старом патриаршем дворе».

В 1631 году умерла инокиня Марфа Ивановна. В память о ней царь Михаил Федорович и патриарх Филарет основали на своем старом дворе мужской Знаменский монастырь, который старался сохранять постройки романовской усадьбы. Однако со временем многие здания ветшали и рушились. К концу XVII века почти все строения старого государева дво-

ра «...от ветхости и огня развалились...», кроме палат, которые были восстановлены в 1674 году и стали использовать как казенные кельи.

Сегодня знакомство с Зарядьем и усадьбой предков Романовых начинается с уникальных находок, сделанных во время археологических раскопок во дворе музея в конце XX века. Белокаменной резной капители конца XV века, клада серебряных слитков конца XV века, муравленых изразцов XVI века, фрагментов керамической посуды, игрушек и других артефактов. Но самая большая находка – печь-поварня середины XVI века. Дворовая печь, сложенная из кирпича, служила для приготовления пищи в летнее время года. Подобные печи были характерным элементом усадебной застройки средневекового города. Воеводские указы, во избежание пожаров, предписывали сооружать такие постройки вне дома, «чтобы в летнее время в огороде и на посаде и в слободах изб и мылен не топили и вверху с огнем не сидели и не ходили, есть бы варили и хлеб пекли в поварнях и на огородах в печах». В усадьбе Романовых таких печей было не менее трех. Для того, чтобы сохранить печь-поварню на том месте, где ее нашли, построили подземный музей – первый в Москве.

В музее «Палаты бояр Романовых» представлены памятники, рассказывающие о первых Романовых и о патриархальном боярском быте второй половины XVII века. Архитектура палат, его планировка, убранство и подлинные па-

мятники позволили создать атмосферу этого времени.

Акцент на второй половине XVII века мы делаем потому, что именно тогда начинает проявляться западноевропейское влияние на русскую жизнь и начинают постепенно рушиться основы, казалось бы, незыблемо устоявшегося патриархального уклада бытия. «Это была эпоха последних дней для нашей домашней и общественной старины», – писал историк И. Е. Забелин. В то время закладывались основы будущих Петровских преобразований. Сложный был период для России: переход от Средневековья к Новому времени, в котором жила уже вся Европа. Изменения в русской жизни начались уже в правление царя Алексея Михайловича и его сына Федора Алексеевича, но шли очень медленно и трудно. Почти до начала XVIII века «старина» и «новизна» существовали вместе. Особенно это хорошо видно на примере повседневной домашней жизни, которую мы и отражаем в нашем музее. Например, в обстановке боярского дома стали появляться барочные кресла, стулья, шкафы, портреты, зеркала, люстры, гравюры, часы и... вилки. Все эти новшества были заимствованы из Западной Европы. Новые предметы стали постепенно входить в старый уклад жизни и разрушать его. Мужской и женский костюм еще долго оставался традиционным. Это наглядно представлено на рисунках иностранных путешественников: Мейерберга, Адама Олеария и других.

В наших интерьерах «новшества» соседствуют со старыми предметами: лавками, столами, сундуками, с традицион-

ной посудой и шкафом-поставцом, который ставили на лавку.

В наших палатах – три этажа и подвалы, которые относятся к концу XV–XVI веков. Подклет и второй этаж были перестроены в XVII веке, а третий этаж – реконструкция архитектора Ф. Ф. Рихтера середины XIX века, но в соответствии с традициями древнерусского зодчества. Сейчас в белокаменном подвале палат представлена боярская казна, то есть богатство: денежный сундук, разнообразная посуда, одежда, ткани, меха и много оружия. На втором этаже – мужская половина дома. Здесь расположены: трапезная палата, в которой принимали гостей и пировали, кабинет боярина, библиотека и комната старших сыновей. На третьем – женская половина: комната боярыни и светлица. На верхний этаж ведут две узкие потайные лестницы, сохранившиеся еще с XVII века и восстановленные архитектором Ф. Ф. Рихтером в XIX веке.

Каждый, кто переступает порог нашего музея, попадает в «театр памяти». Он может не только увидеть застывшее прошлое, но и, проходя по помещениям, представить себя на месте людей, которые здесь жили, ощутить стремление к новому и нежелание отказываться от старого. XVII век – время перемен. Следующий период русской истории – Новое время – берет свое начало в допетровской Руси. Именно это и отражает музей «Палаты бояр Романовых».

Елена Генерозова.

Палаты бояр Романовых

В давние времена эта часть Москвы называлась Зарядной, потому что находилась «за рядами» лавок, которые примыкали к Кремлю. Отсюда и название, позже закрепившееся за этим городским урочищем – Зарядье. Центральная улица, на которой стоят палаты бояр Романовых, носила имя Варварка; после Октябрьской революции ее переименовали в честь Степана Разина, зачинщика восстания крестьян. Именно по этой улице Разина провезли в день казни, летом 1671 года. И только в 1993 году Варварке было возвращено историческое название.

В музейный комплекс сегодня входят не только старинные романовские палаты, но и собор с золочеными куполами, церкви, зубчатая крепостная стена – всего одиннадцать разнообразных по назначению и стилю построек XVI–XVIII веков. Это – огромный музей древнерусского зодчества под открытым небом.

Дом 10 по сегодняшней Варварке – это трехэтажное здание, увенчанное высокой четырехскатной кровлей, каждый из этажей которого по мере подъема в высоту уменьшается в размере. Это и есть музей «Палаты в Зарядье», они же – «Палаты бояр Романовых», филиал Государственного Исторического музея.

В свое время эти белокаменные палаты входили в состав обширного городского двора. Предположительно, они были построены в XV или XVI веке, – по крайней мере, их можно видеть на планах Москвы от 1597 года. А в 1613 году они отмечены на плане города уже с довольно большой примыкающей территорией и занимают видное место в топографии Москвы.

Но кем, собственно, были бояре Романовы?

В «Истории Дома Романовых», написанной бароном Кампенгаузеном, чиновником русской службы, в начале XIX века, можно прочитать: «Предки рода Романовых уже в XIII веке поселились в России и с тех пор отличались в ней своей служебной деятельностью как в военное, так и в мирное время, занимая военные и гражданские важнейшие должности и духовные высшие звания».

К сожалению, в своем первоизданном виде палаты до нас не дошли из-за нескольких больших московских пожаров и грабежей. При восстановлении облик палат, как и других московских зданий, менялся. По преданию, именно в этих палатах 12 июля 1596 года родился Михаил Федорович, которому предстояло стать первым русским царем из династии Романовых. Сама усадьба с XVI века принадлежала деду Михаила – Никите Романовичу Захарьину-Юрьеву (ок. 1522–1586 или 1585) – младшему (третьему) сыну окольного и воеводы Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина (ум. 1543) и брату Анастасии Романовны Захарьиной (1530 или

1532–1560), первой жены царя Ивана IV Грозного.

Через несколько лет после рождения Михаила, Романовы, как наиболее вероятные претенденты на русский престол, подверглись опале. По наущению Бориса Годунова Берте-нев, казначей семьи Романовых, пишет на них донос: «Яко-бы хранят они у себя в казне коренья волшебные, дабы извести (отравить) семью царскую». В 1599 году отца Михаила, Федора Никитича, заключили в тюрьму, а затем насильно постригли в монахи под именем Филарета. Вся семья Романовых была арестована стрельцами, а усадьба – разграблена и много лет пустовала. В 1605 году Лжедмитрий возвращает Романовых из ссылки, пытаясь доказать свое родство с ними. Но в свою усадьбу они уже не вернулись.

Михаил Федорович был избран на царствование Земским собором 3 марта 1613 года. Став царем, он поселился в Кремле. Некоторое время спустя Михаил Федорович передал боярскую усадьбу только что учрежденному Знаменскому монастырю. Монахи не единожды перестраивали здание под свои хозяйственные нужды. Происходило это вплоть до 1857 года, пока Александр II не выкупил палаты у монахов за 20 тысяч рублей – сумму, по тем временам немалую.

Пережив множество пожаров и разграблений, неоднократно смену хозяев, «старый государев двор» наконец обрел статус исторического памятника. Александр II приказал устроить в своей родовой вотчине «Дом бояр Романовых» – фактически, первый исторический мемориальный музей в

Российской империи. Тогда же здание было тщательно обмерено, и была проведена его реставрация по историческим документам, которая закончилась в 1858 году.

Проект реставрации разработал и руководил ею придворный архитектор Ф. Ф. Рихтер. В ходе ее были достроены второй и третий, деревянный, этажи, перестелены полы, восстановлены крыльцо и крыша, на которую в виде флюгера водрузили геральдический знак дома Романовых – грифона. Герб с изображением грифона был расположен и на северном фасаде музея, над входной дверью со стороны Варварки. В советское время нишу заделали, грифон был снят, и дальнейшая судьба этого памятника неизвестна. Во время реставрационных работ 1984–1991 годов нишу раскрыли, ее предназначение выяснили в результате работы в архивах. Обнаружили ряд малоизвестных проектов Рихтера и фотографию 1913 года, на которой изображен император Николай II на фоне северного фасада палат – там над входом хорошо виден грифон. В 2008 году потомки Ф. Ф. Рихтера – семья Черновых-Рихтеров и Пол Эдвард Куликовский, потомок сестры Николая II, дали денег на реконструкцию на фасадах здания двух рельефов с изображением геральдических грифонов.

Во время реставрации 1850-х годов внутренняя отделка палат тоже подверглась существенной модернизации: стены были обиты дорогой парчой с царскими вензелями (фрагменты ее, чудом уцелевшие, можно увидеть в некоторых ме-

стах даже сейчас). Внутри появились серебряная и расписанная эмалями посуда, шитье, женские украшения. Сундуки, коробья, мебель, стены были украшены прекрасными росписями. Тогда же легенда – сочиненная, как говорят, в 1850-х годах придворными кругами – стала называть это здание местом рождения царя Михаила Федоровича.

После революции 1917 года в палатах открыли «Музей старого русского быта» (или «Музей боярского быта»), который с 1932 года стал филиалом Государственного Исторического музея. Позже палаты были частично перестроены. На территории музея обнаружили уникальное деревянное сооружение – три венца сруба, столбики, поддерживающие его основание, фрагменты русской печной кладки, а также некрополь XVI века. Самой интересной и важной находкой стал производственный комплекс конца XV–XVII веков с двумя одновременно работавшими печами – гончарная мастерская. Рядом с горнами были обнаружены глиняные игрушки, фрагменты посуды, изразцы – всего около пятисот предметов.

Сегодня «Палаты бояр Романовых» – единственный в России музей русского быта допетровской эпохи. Здание состоит из трех частей, разбитых на разные исторические отрезки: боярской кладовой XVI века, монашеских келий XVII века и музейной надстройки XIX века. Палаты сохранили классический тип русской избы, состоящей из «клетки» (жилое помещение) и «подклета» (подсобное помещение). По-

строены они в виде буквы «Г», что характерно для большинства русских домов XVII века. С внешней стороны стены здания имеют декоративное убранство XVII века – наличники окон, карниз, полуколонны на углах. Внутри – небольшие комнаты, низкие, сводчатые потолки, толстые стены, двери и окна с характерными закруглениями верхней части. Два помещения подвала и четыре комнаты второго этажа здания оформлены в характерном для того времени стиле интерьеров боярского дома. Почти все представленные здесь экспонаты – подлинники.

О чем могут нам сказать эти факты?

Прежде всего: о том, как жили и чем дышали наши предки в XVI веке, нам, увы, известно не так уж много. Нет, конечно, в это время искусство в России цвело относительно пышным цветом – храмы, монастыри, светские дома богатых сановников были полны иконами, керамикой, образцами золотого шитья и работами по металлу. Начиная с конца XVI века, появляются серьезные основания говорить об «обмирщении», светской ноте в изобразительном искусстве – даже в строгих церковных канонах. Правда, до обычая украшать интерьеры произведениями светской живописи было еще очень далеко, и в палатах образцов этого искусства мы почти не встретим – за исключением портрета боярина Т. Стрешнева, выставленного на втором этаже, в трапезной.

Зато, к счастью, до наших дней дошло – и сохранилось в романовских палатах – множество нетронутых, аутентичных

образцов русского декоративного искусства.

Одним из самых интересных и динамических художественных направлений была керамика, в частности – керамическая плитка. И в палатах бояр Романовых сохранились несколько таких изразцовых печей, которые вполне могут служить живой иллюстрацией не только художественных, но и исторических изменений.

Если говорить о школах керамической плитки в России, то сейчас принято считать, что, начиная с IX века, в русских городах преобладала так называемая греческая (точнее, византийская) школа керамики. Она характеризовалась наличием выступающего рельефа, орнаментальной избыточностью и яркостью красок. В декорировании белоглиняных изделий преобладали цветные эмали (поливывы) зеленого, голубого, красного, желтого цветов, делая плитку яркой и радостной. До сих пор мы можем любоваться огромным количеством русских раннебарочных храмов, отделанных такой плиткой – в Москве, Пскове, Ростове, Суздале, Киеве, Ярославле и множестве других городов.

Ближе к XVIII веку изразцы переместились внутрь зданий. Однако, если во внешней отделке керамики становится все меньше, то во внутреннем убранстве она, веселая и функциональная, начинает играть большую роль. Прежде всего ею украшались как раз печи. Благодаря ее физическим свойствам – устойчивости к температурным перепадам, инертности к щелочам и кислотам, легкости в уходе –

керамическая плитка была и остается идеальной для печи. Единственное нововведение, которое здесь потребовалось, это румпа – глиняный короб сзади глазурированной поверхности, который обеспечивал воздушную прослойку между самой печью и окружающим воздухом. Нововведение позволило сгладить температурные перепады (существенно отличающиеся в России и Византии) и позволило быстрее наращивать тепло в условиях суровых русских зим. И, если бы не вмешательство моды, а точнее – голландской моды, памятников русско-греческой традиции сейчас было бы гораздо больше.

Царь Петр, плененный прогрессивным Западом, ввел в обиход не только платье, гладковыбритые щеки, корабли и новые яства, но и пригласил голландских керамистов для создания плитки нового формата. Голландская плитка, как правило, монохромна или дихромна, цвета ее – синий кобальт, зеленый хром, коричневое железо, возможен и микс из этих цветов.

Что касается сюжетов, то они, по первоначальному умыслу, должны были повторять светские картинки своих делфтских предков, на которых мы и сегодня видим пейзажи с мельницами, разодетых кавалеров в треуголках, изящных барышень и карикатурные изображения древнегреческих богов. Однако все получилось гораздо веселее: искусственное столкновение двух различных культурных традиций породило странный гибрид, обладающий свойствами

обоих родителей. Рисунки – причудливые русские девки и индейцы, «апонски ездоки», «бразильски бабы», зайцы, птицы и другие диковинные звери, включая китоврасов (кентавров), растения и орнаментальные композиции – полны юмора и светских развлечений, которые мы с удивлением встречаем, например, на печах в залах Церковного собрания суздальского Кремля.

Впрочем, в палатах бояр Романовых, конечно же, мы имеем дело с чуть более ранними образцами декорации. Зеленые поливы («муравленые», как принято было их называть), наложенные на рельеф с изображениями боев, героев и мифических зверей, – один из прекрасных примеров светского бытового устройства. Печь, топившаяся каждый день в течение многих лет, согревала не только своим теплом. Так и чувствуется, как вокруг этих печей, которые и сейчас можно рассматривать в течение долгого времени, собирались чада и домочадцы, и кто-то из старших начинал рассказывать о «делах давно минувших дней», о дальних странах, невиданных зверях и людях из дальних стран. В то время, когда книга была доступна лишь немногим (да и то в виде религиозной литературы), такие «наскальные», «накерамические» летописи были куда важнее печатного слова в создании общей картины мира.

Стоит обратить внимание на то, что у сегодняшних посетителей палат есть много возможностей погрузиться в повседневную жизнь допетровской Руси – сделать ее частью

собственного чувственного опыта. В музее проводятся экскурсии, одна из которых специально посвящена московскому быту XVII века.

В основу этой экскурсии положены статьи «Домостроя», возникшего по меньшей мере столетием ранее – в XVI веке. Этот известный памятник русской литературы и мысли, полное название которого – «Книга, называемая «Домострой», содержащая в себе полезные сведения, поучения и наставления всякому христианину – мужу, и жене, и детям, и слугам, и служанкам» – это, напомним, – сборник правил, советов и наставлений, которые касаются всех мыслимых областей жизни человека и семьи, включая вопросы общественные, семейные, хозяйственные и религиозные.

Согласно мнению некоторых авторитетных исследователей (С. М. Соловьева, И. С. Некрасова, А. С. Орлова, Д. В. Колесова), «Домострой» сложился и того раньше – в XV веке, в Великом Новгороде, во времена Новгородской республики, как результат длительного коллективного труда на основе литературных источников, уже существовавших к моменту его написания. Соответственно, корни его уходят гораздо глубже. Ученые прослеживают связь «Домостроя» с более ранними и куда менее известными нынешнему массовому сознанию сборниками нравоучительных текстов – не только славянскими, среди которых «Измарагд», «Златоуст», «Златая цепь», но и западными: «Книга учения христианского» (Чехия), «Парижский хозяин» (Франция) и дру-

гими. По существу, «Домострой» систематизировал и оформил сложившиеся к тому времени представления о нормах поведения, о моральных ценностях, о правильных принципах организации жизни вообще.

Возникнув, «Домострой» почти сразу получил распространение среди новгородских бояр и купечества. Впрочем, допетровское время было медленным, и для XVII столетия домостроевские предписания продолжали оставаться вполне актуальными.

В середине XVI века «Домострой» был переписан протопопом Сильвестром – духовником и сподвижником Ивана Грозного – в качестве назидания молодому царю. Некоторые исследователи (Д. П. Голохвастов, А. В. Михайлов, А. И. Соболевский и другие) даже считают автором «Домостроя» именно Сильвестра.

Обновленная же его редакция была составлена иеромонахом московского Чудова монастыря, работавшим справщиком московской духовной типографии, а позже игуменом Карионом (Истоминим) в XVII веке. Этой редакцией, объединившей несколько существовавших на тот момент версий, скорее всего, и руководствовались люди того времени, в которое стараниями сотрудников музея на целых два с половиной часа отправляются экскурсанты.

Сегодня именно в палатах бояр Романовых можно увидеть, как выглядела жизнь по «Домострою»: здесь оживают сцены патриархального быта.

Экскурсия по трехэтажному зданию начинается в подвале XVI века, куда ведет крутая старинная лестница. Это – подвал, который действительно принадлежал боярину Никите Романовичу. Там расположены несколько печей, которые отапливали весь дом – печи на втором и третьем этажах нагревались горячим воздухом, поднимающимся по специальным каналам снизу. Там же, в подвале, можно увидеть сундуки – прототипы шкафов более позднего времени, в которых хранили ткани, одежду, обувь, утварь, посуду, деньги и драгоценности, оружие и доспехи, – боярин, если ему приходилось идти на войну, обязательно должен был прибыть к месту назначения при своем вооружении и на собственном коне.

На втором этаже – небольшие комнаты с тяжелыми сводчатыми потолками. Самая большая из них, с окнами, выходящими на Варварку, – трапезная, или «Столовая палата». В ней принимали гостей, проводили официальные встречи, обедали. Рассаживались гости – как и предписывал «Домострой» – согласно «местничеству»: чем ниже был социальный статус гостя, тем дальше от хозяина приличествовало ему садиться. Рядом со столом – принадлежности для мытья рук во время пиршества: небольшой столик с кумганом (умывальником) и чашей (лоханью). Вдоль стен и стола – множество традиционных лавок и деревянные, обитые прорезным железом ларцы с крышками, расписанными изнутри. Здесь же – пять кресел, которые были редкостью в русском

доме XVII века. У стены находится поставец – шкаф-горка с уступами, на нем расставлена столовая посуда. Выставлены здесь и иноземные вещи, свидетельствующие о развитии торговых связей России того времени с Востоком и Западом. Среди них – шведское паникадило, полавочники турецкого бархата, немецкая гравюра, уже упомянутый портрет боярина Стрешнева, шкаф со слюдяными створками, фигурным фронтоном и нижними дверьми, украшенными росписью в виде крупных тюльпанов.

Смежная со столовой комната, окнами во двор – «кабинет» боярина. Окна ее обращены во двор. Ничего лишнего. Под иконой – рабочий стол с письменными принадлежностями. Возле стола – кресло, лавка, чуть поодаль еще одно кресло – высокое. Здесь же – сундук-теремок с книгами в кожаных переплетах, глобус голландской амстердамской работы 1642 года, портреты русского дипломата XVII века и думного дьяка И. Т. Грамотина и картина «Осада Смоленска польско-литовскими войсками в 1610 году». Две стены комнаты обиты сукном, две другие – золоченой фландрской кожей, которая в те времена слыла особенно изысканным украшением. Возле входной двери – печь из зеленых поливных изразцов с рельефными изображениями исторических сюжетов, сказок и бытовых сцен: «Александр Македонский», «Соловей-разбойник», «Борцы борются» и другие.

Из этой комнаты – отдельный вход в библиотеку, где в сундуках хранились дорогие по тем временам книги.

На том же этаже расположены и комнаты старших сыновей с учебными пособиями: астрольбией, телескопом, географическими картами. Когда мальчикам исполнялось шесть лет, их забирали сюда с женской половины дома и начинали учить грамоте и военному делу.

В другую часть дома, состоящую из двух помещений, можно попасть через площадку лестницы. Первое от лестничной клетки помещение оформлено в виде сеней, которые в боярских домах служили и как «спальные чуланы», и как места для хранения вещей, необходимых в повседневной жизни. В сенях на лавках расставлены ларцы, шкатулки и коробья, где находятся кружева и ткани. В стенных нишах – кокошники (женские головные уборы) и барабан с коклюшками и сколками.

Из сеней – вход на женскую половину. Такое ее расположение – за сенями, в изолированной части дома, характерно для XVII века. Эту половину составляют комната боярыни и светлица, окна в которой расположены с трех сторон – чтобы было больше света для рукоделия. Интерьер ее составляют предметы, связанные с шитьем: пяльцы, в них – образцы орнаментального шитья, сундук-укладка с шитьем, на стене – шитая пелена с изображением Христа во гробе (Плащаница), стоит прялка и сидят два манекена, изображающие девиц за работой. Помимо этого, в светлице находятся зеркало со створками, «коробья» и ларец для тканей и драгоценностей, широкая лавка, крытая бархатом, на ней подголовок –

ларец со скошенным верхом, который ночью ставили в изголовье постели. Здесь же – коробочки и ларчики для румян, белил и сурьмил, серьги, перстни, опахала, а также большое количество книг религиозного содержания.

Женщины в те времена на волю почти не выходили, и единственными доступными им занятиями оставались чтение церковных книг и рукоделие. Знаменитая фраза «А где боярыня твоя, в церкви, что ли?» совершенно справедлива для того времени – больше женщинам нигде бывать не приходилось. Более того, женщины из боярских семей почти не покидали своей половины дома и трудились над прялкой и пяльцами наравне со служанками. Если у молодой боярышни не было большого приданого, созданного ее собственными руками, и тем более, если, не дай Бог, она не умела прясть, шить и вышивать, – она считалась неумелой хозяйкой, и выйти замуж ей было очень трудно. Зато, выйдя замуж, боярыня становилась полноправной хозяйкой дома. Хотя в торговые или государственные дела своего мужа она посвящена не бывала, в домашнем хозяйстве ее голос часто был решающим.

Посетители музея не только видят здесь одежды людей позднего русского Средневековья и предметы их обихода, но и слышат русскую музыку того времени, их даже угощают «заморским напитком» с боярского стола.

Театрализованная программа «Россия, XVII век. Старица и новизна» отправляет посетителя в самый конец столе-

тия, ставший для России мостом между Средневековьем и Новым временем. Она представляет основные события этого времени в России на фоне того, что происходило тогда в европейских странах. Главное внимание на сей раз уделяется новизне, преображавшей патриархальный быт. Звучит европейская музыка XVII века. По давней традиции этого музея, гостей и тут ждет угощение, чтобы можно было почувствовать ушедшую жизнь еще и на вкус.

А для юных посетителей в палатах бояр Романовых существует целая музейно-образовательная программа «Здравствуй, музей!». Она состоит из нескольких занятий. Прежде всего, это – обзорная экскурсия по палатам. Далее следует рассказ об археологии, раскопках в Зарядье, посещение подземного археологического музея («Мир древнего человека»). Затем – знакомство с повседневной жизнью русских царей и бояр («Как жили цари и бояре»); рассказ о мужском и женском боярском костюме («Одежда наших предков»); о том, чему и как учили в средневековой школе (дети здесь читают старинные тексты, решают задачи и пишут гусиными перьями). Занятие «Воинское искусство Руси (XVI–XVII в.)» знакомит с холодным и огнестрельным оружием того времени, с его значением в жизни средневекового человека. Театрализованное представление «Масленица», проходящее во дворе музея и его интерьерах, дает детям возможность участвовать в играх и забавах, которыми неизменно сопровождалась традиционные проводы зимы и встреча вес-

НЫ.

«ЗНАНИЕ – СИЛА» № 02/2017

Сигурд Шмидт².

Таинственный XVI век

XVI век – век подъема общественно-политической мысли, отразившейся в публицистических сочинениях. Но мы чаще всего знаем их – если знаем – только в поздних копиях. До сих пор вообще не найдено ни одного автографа Ивана Грозного, а ведь современники писали, что он «в науке книжного поучения доволен и многоречив зело»!

Россия XVI века! Как часто мы невольно пытаемся подменить эти слова другими: «Россия Ивана Грозного». Фигура грозного царя, полвека занимавшего трон, как бы засломила собой русское общество XVI века. Даже книги о России XVI века часто назывались просто «Иван Грозный», хотя были посвящены не биографии первого русского царя, а истории России в целом.

Насыщенная драматическими событиями жизнь Ивана интересовала многих историков. Карамзин писал в 1814 году о своей работе над «Историей государства Российского»: «Оканчиваю Василья Ивановича и мысленно смотрю на Грозного. Какой славный характер для исторической живописи! Жаль, если выдам историю без сего любопытного

² Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013) – доктор исторических наук, академик Российской академии образования.

царствования! Тогда она будет как павлин без хвоста». Сам Иван – загадочная фигура. Государь, столь много сделавший для укрепления централизованного государства, для возвеличения России на международной арене, покровитель книгопечатания и сам писатель, он своими же руками разрушил содеянное, преследовал тех, таланту и уму которых обязан был государственными преобразованиями и победами над врагом.

Историк XVIII века Щербатов писал не без растерянности: «Иван IV столь в разных видах представляется, что часто не единым человеком является». А в произведениях искусства, посвященных Грозному, видно откровенное стремление показать нечто из ряда вон выходящее: царь – виновник гибели своей дочери (в опере Римского-Корсакова «Псковитянка» по драме Мея), царь у трупа убитого им сына (в картине Репина), царь, читающий отходную молитву у гроба жены и тут же разоблачающий государственную измену (в драме А. Н. Толстого). И в научных трудах, и в произведениях искусства как бы продолжается полемика Ивана Грозного и боярина Курбского, бежавшего от царского гнева в Польшу и присылавшего царю обличительные послания, а затем написавшего памфлет «История о великом князе Московском». Иван IV отвечал неистовыми «кусательными словесами» – посланием, в котором сформулированы были основные положения идеологии «самодержавства». Спор естествен, и упорство, даже ожесточенность его понятны – но

не отодвинуло ли это от нас другие, более важные загадки, более значительные проблемы истории русского XVI века?! Советские ученые в последние десятилетия много сделали для выявления этих проблем.

Ведь XVI век – время необычного расширения государства. В XVI веке слово «Россия», «российский», появившееся еще в конце предшествовавшего столетия, завоевывает место в официальных документах, употребляется в царском титуле. Постепенно «русский», как уточнил академик М. Н. Тихомиров, становится определением народности, «российский» означает принадлежность государству. Было ли это государство уже на рубеже XV–XVI веков централизованным или централизация – длительный процесс, отнюдь не завершающийся объединением русских земель в конце XV века? Мы знаем, что «классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и в конечном счете решает судьбу таких преобразований». Нам хорошо известны эти положения, сформулированные в ленинских трудах. Но они известны нам – людям XX века, обогащенным творческим опытом марксизма. В XVI же столетии историю сводили к истории государей и государства, в официальных летописях факты массовой борьбы затушевывались, замалчивались, самостоятельную роль действий народных масс попросту не признавали. Как же выявить, обобщить данные о народном недовольстве? Сколько было народных восстаний? Каков их раз-

мах и особенности? Каковы их последствия?

XVI столетие как бы порубежное. Это и Средневековье, но и преддверие нового периода. Реформы Избранной рады (кружок приближенных царя Ивана, фактически бывший одно время правительством) определили на много десятилетий вперед внутреннюю политику, а победы середины века над татарскими ханствами и успешное начало войны за Прибалтику – внешнюю политику великой державы.

Для XVI века несомненны подъем ремесла, выделение особо тонких и сложных ремесленных профессий, развитие местных рынков, рост городов, вовлечение в рыночные связи деревни. Но можно ли это считать признаком уже капиталистических отношений?

В XVI веке на Руси немало еретиков, которые жестоко преследуются. В XVI веке отдельные передовые мыслители обнаруживают знакомство с зарубежной гуманистической мыслью, высказывают суждения, отличные от официальных догм. Но можно ли говорить о развитии гуманизма как определенного идейного направления общественной мысли в России той поры? Созрели ли для его интенсивного развития социально-экономические условия? Ведь гуманизму сопутствует рост буржуазных отношений, а есть ли серьезные основания видеть их в России XVI века?

XVI век – век подъема общественно-политической мысли, отразившейся в публицистических сочинениях. Но мы чаще всего знаем их – если знаем – только в поздних копи-

ях. До сих пор вообще не найдено ни одного автографа Ивана Грозного, а ведь современники писали, что он «в науке книжного поучения доволен и многоречив зело»! В XVII же веке не стеснялись поновлять текст при переписывании, вносить свое толкование, устранять непонятное и неприятное – недаром в академических изданиях эти сочинения публикуются с обильными, иногда взаимоисключающими друг друга по смыслу разночтениями! О сочинениях дворянского идеолога Пересветова до сих пор спорят: что это – проникновенный проект смелого политического мыслителя, сумевшего в 1549 году до деталей предвосхитить важнейшие реформы и внешнеполитические мероприятия царствования Грозного, или же позднейшая попытка оправдать и объяснить содеянное, прикрывшись именем малоизвестного челобитчика?

Историк Ключевский утверждал: «Торжество исторической критики – из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивали». Но что делать, если они зачастую просто не говорят? Народ безмолвствует для историка в буквальном смысле слова – грамотой владели все-таки недостаточно, да и писать о каждодневном, обычном не было интереса, а выражать письменно недовольство существующим строем редко кто решался.

О феодальном хозяйстве мы узнаем в основном из монастырской документации – не уцелело ни одного архива светского феодала. О жизни крестьян судим преимущественно по документам о так называемых черносошных (то есть неза-

крепощенных) крестьянах, да еще из северных районов страны, а ведь большинство-то крестьян жили и центральных районах, и большинство это было в той или иной степени закрепощено! В результате мы слабо представляем жизнь трудящихся горожан (посадского населения) и крестьян, мало знаем о том, в чем на практике выражалась барщина (сколько дней в неделю крестьянин работал на земле феодала, кому принадлежали скот и орудия труда, которыми обрабатывалась земля феодала, чему равнялась собственно крестьянская запашка, сколько именно денег платил крестьянин феодалу). Широко цитируемые слова тогдашних публицистов: «ратаеве (крестьяне) же мучими сребра ради» – верное, но не конкретное свидетельство тяжести угнетения.

И мудрено ли, что до нас дошло так мало документов! Стоит вспомнить хотя бы, сколько раз горела Москва и в XVI и в XVII веках... Вот и приходится говорить о загадках, загадках «личных», связанных с судьбой видных людей того времени, и о загадках общественной жизни.

Тайны последних государей из рода Ивана Калиты

Много неясного, таинственного даже в биографии последних Рюриковичей на московском престоле.

Мы очень неясно представляем себе образ Василия III, как бы отодвинутого с большой исторической арены, зате-

ненного громкими деяниями его отца и сына – Ивана III и Ивана IV. А ведь наблюдательный иностранец, образованный гуманист – посол германского императора Герберштейн утверждал, что Василий достиг власти большей, чем кто-либо из современных ему государей. В годы его правления (1505–1533) в состав Российского государства окончательно вошли Рязанское великое княжество, Псковская земля. Это годы большого каменного строительства (именно тогда был завершен основной ансамбль Московского Кремля), годы подъема переводческой деятельности (приглашен был в Москву знаменитый мыслитель и ученый, знаток древних языков Максим Грек) и политической публицистики. Увы, времени правления Василия III не посвящено до сих пор ни одной серьезной монографии, и, быть может, мы просто по привычке рассматриваем это время, как сумеречный промежуток между двумя яркими царствованиями?! Каков он был, Василий III? Кого он более напоминал – своего мудрого, осмотрительного и жесткого отца, которого Маркс метко охарактеризовал как «великого макиавеллиста»? Или же темпераментного, увлекающегося, неистового и безудержного в гневе сына – первого русского царя Ивана Грозного?

Впрочем, был ли Иван Грозный законным наследником и сыном Василия? Рождение Ивана сопровождали странная молва, двусмысленные намеки, мрачные предсказания... Василий III, «заради бесчадия», во имя продолжения рода, через двадцать лет после свадьбы задумал развестись – в нару-

шение церковных правил – со своей женой Соломонией. Великая княгиня долго и энергично сопротивлялась намеренно мужа, обвиняя его самого в своем бесплодии. Но ее силой постригли в монахини и отослали в Покровский монастырь в Суздале. А великий князь вскоре, в январе 1526 года, женился на дочери литовского выходца, юной княжне Елене Глинской и даже, отступив от старинных обычаев, сбрил ради молодой жены бороду. Однако первый ребенок от этого брака, будущий царь Иван родился лишь 25 августа 1530 года. Вторым сыном, Юрий, до конца дней своих оставшийся полудегенератом, родился еще через два года. Четыре года продолжались частые «езды» великокняжеской четы по монастырям – можно полагать, что Василий III молился о чадородии. А в Москве тем временем поползли слухи, будто Соломония, постриженная под именем Софии, стала матерью. Срочно нарядили следствие; мать объявила о смерти младенца, которого и похоронили в монастыре. Но мальчика якобы спасли «верные люди» и, уже по другим преданиям, он стал знаменитым разбойником Кудеяром (клады которого еще недавно разыскивали близ Жигулей). Предание о рождении мальчика, казавшееся, как пишет историк Н. Н. Воронин, занятой выдумкой, нашло неожиданно археологическое подтверждение. В 1934 году в Покровском монастыре подле гробницы Соломонии обнаружили надгробие XVI века, под которым в небольшой деревянной колоде находился полуистлевший сверток тряпья – искусно сделанная кукла, одетая в шелко-

вую рубашечку, и шитый жемчугом свивальник (вещи эти сейчас можно видеть в Суздальском музее). Недаром, видно, царь Иван затребовал через 40 лет материалы следственного дела о неплодии Соломонии из царского архива.

Ответом на позднюю женитьбу Василия III были предсказания, что сын от незаконного брака станет государем-мучителем. Писали об этом и позднее, в годы опричнины: «И родилась в законопреступлении и в сладострастии лютость». А когда после смерти Василия III Елена стала регентшей при трехлетнем сыне, поползли слухи уже о том, что мать Ивана IV давно была в интимной связи с боярином, князем Иваном Федоровичем Овчиной-Телепневым-Оболенским, теперь сделавшимся фактически ее соправителем. Этого боярина уморили тотчас же после кончины Елены в 1538 году (тоже – по некоторым известим – умершей не своей смертью, а от отравы). И случайно ли, что молодой Иван в январе 1547 года жестоко расправился с сыном этого боярина – велел посадить его на кол, а двоюродному брату его отсечь голову на льду Москвы-реки?! Не отделялся ли государь от людей, слишком много знавших об опасных подробностях придворной жизни?

Братобийства, клятвопреступления, жестокие казни сопутствовали деятельности едва ли не большинства средневековых государей (вспомним хотя бы Англию XIV–XVI веков, если даже не по учебнику, то по знаменитым шекспировским драмам-хроникам времен Ричардов и Генрихов!).

Макиавелли, ставивший превыше всего «государственный интерес», четко сформулировал в начале XVI века положение, что «государю необходимо пользоваться приемами и зверя и человека». Но масштабы кровавых дел первого русского царя поразили воображение и современников и потомков. Казни Грозного, «лютость» его, вошедшая в легенду, что это – обычное явление кануна абсолютизма, своеобразная историческая закономерность? Или же следствие болезненной подозрительности достигшего бесконтрольной власти царя-садиста? Смеем ли мы, оценивая деятельность Грозного, отказаться от прочно усвоенных нами моральных представлений, предать забвению мысль, так ясно выраженную Пушкиным: гении и злодейство несовместны?

Историк Р. Ю. Виппер писал: «Если бы Иван IV умер в 1566 году в момент своих величайших успехов на западном фронте, своего приготовления к окончательному завоеванию Ливонии, историческая память присвоила бы ему имя великого завоевателя, создателя крупнейшей в мире державы, подобного Александру Македонскому. Вина утраты покоренного им Прибалтийского края пала бы тогда на его преемников: ведь и Александра только преждевременная смерть избавила от прямой встречи с распадом созданной им империи. В случае такого раннего конца на 36-м году жизни Иван IV остался бы в исторической традиции окруженным славой замечательного реформатора, организатора военно-служилого класса, основателя административ-

ной централизации Московской державы. Его пороки, его казни были бы ему прощены так же, как потомство простило Александру Македонскому его развращенность и его злодеяния».

Жизнь Грозного-царя была трагедией, он и мучил других, и мучился сам, терзался от страха, одиночества, от угрызений совести, от сознания невозможности осуществить задуманное и непоправимости совершенных им ошибок...

Трагической была судьба и сыновей царя. Старший сын, Дмитрий, утонул в младенчестве, выпал из рук няньки во время переправы через реку. Родившийся вслед за ним Иван (характером, видимо, схожий с отцом) был убит Грозным в 1581 году, об этом напоминает знаменитая картина Репина. Убит случайно, царь забылся в гневе, или же намеренно? Современники по-разному объясняли это убийство. Одни полагали, что царевич желал встать во главе армии, оборонявшей Псков от войск польского короля Стефана Батория, и укорял царя в трусости. Царь же думал о мире и боялся доверять войско опасному наследнику. По словам других, Грозный требовал, чтобы царевич развелся с приглянувшейся свекру третьей женой.

Третий сын, Федор, неожиданно достигнув престола, старался отстраняться от государственных дел. Царь Федор «о мирских же ни о чем попечения не имея, токмо о душевном спасении». Но в годы, когда он был царем (1584–1598), издаются указы о закреплении крестьян, объединяются в ка-

зачьих колониях на южных окраинах страны беглые, пыта-
ясь противопоставить себя централизованному государству,
лелея наивную мечту о мужицком царстве во главе с «хоро-
шим царем», воздвигаются города-крепости в Поволжье и
близ южных и западных границ, начинается хозяйственное
освоение зауральских земель. А мы царя Федора Ивановича по-прежнему больше представляем по драме А. К. Тол-
стого, чем по современным ему историческим источникам.
Неспособен был царь Федор к правительственной деятельно-
сти, слаб разумом? Или же, напротив, был достаточно умен,
чтобы испугаться власти? Чем объяснить, что этот богобояз-
ненный царь не успел принять перед смертью, согласно обы-
чаю, схиму и похоронен в царском облачении в отличие от
своего отца, положенного в гроб в монашеском одеянии (так
умирающий Иван Грозный надеялся искупить свои грехи)?
Своею ли смертью умер Федор?

Наконец, младший сын – тоже Дмитрий (от последней,
седьмой жены Ивана Марии Нагой) погиб в Угличе в 1591
году. Погиб в девятилетнем возрасте при странных обстоя-
тельствах. То ли напоролся сам на нож во время игры либо
приступа падучей, то ли был убит? Если убит, то кем и поче-
му? По наущению ли Годунова, стремившегося достигнуть
престола? Или, напротив, тех, кто хотел помешать Годунову
в его намерениях, распространяя версию о правителе-убий-
це и расчищая себе путь к власти? Да и был ли убит именно
Дмитрий или же и он спасся, подобно сыну Соломонии, и

оказался затем игрушкой зарубежных и отечественных политических авантюристов? Все это занимает отнюдь не только мастеров художественной литературы, но и историков!

Было ли злом местничество?

Этот вопрос задавал еще Александр Сергеевич Пушкин.

Местничество! Слово прочно вошло в наш разговорный язык. Кто не знает, что местничать – значит противопоставить узкоэгоистические интересы общим, частные – государственным? Но в XVI–XVII веках местничество регулировало служебные отношения между членами служилых фамилий при дворе, на военной и административной службе, было чертой политической организации русского общества.

Само название это произошло от обычая считаться «местами» на службе и за столом, а «место» зависело от «отечества», «отеческой чести», слагавшейся из двух элементов – родословной (то есть происхождения) и служебной карьеры самого служилого человека и его предков и родственников. Служилому человеку надлежало «знать себе меру» и следить за тем, чтобы «чести» его не было «порухи», высчитывая, ниже кого ему служить «вместо», кто ему «в версту», то есть «ровня», и кому «в отечестве» с ним недоставало мест. Расчет этот производился по прежним записанным «случаям», и каждая местническая «находка» повышала всех родичей служилого человека, а каждая «потерька» понижала их всех

на местнической лестнице. Недовольные назначением «били челом государю о местах», «искали отечество», просили дать им «оборонь». Именно об этом-то писал Пушкин в отрывке из сатирической поэмы «Родословная моего героя»:

Гордыней славился боярской;
За спор то с тем он, то с другим.
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под царский гнев
И умер, Сицких пересев.

Мимо местничества историки пройти не могли, – слишком бросается это явление в глаза при знакомстве с историей России XVI–XVII столетий! – но судили о местничестве, как правило, лишь на основании немногих уцелевших фактов местнической документации или даже произвольно выбранных примеров. Распространилось представление о местничестве, закрепленное авторитетом Ключевского, как о «роковой наследственной расстановке» служилых людей, когда – должностное положение каждого было predetermined, не завоевывалось, не заслуживалось, а наследовалось?. И на местничество XVI века, когда у власти стояла потомственная аристократия, переносили представления конца XVII века, когда многие знатные роды уже «без остатка миновались». Местничество оценивали как сугубо отрицательное явление, всегда мешавшее централизации государства. Но то-

гда почему же с ним серьезно не боролись ни Иван III, ни Иван IV?

Да потому что для них местничество было не столько врагом, сколько орудием. Местничество помогало ослабить, разобщить аристократию: того, чего для ослабления боярства не сумели совершить «перебором людишек» и казнями времен опричнины, добивались с помощью местнической арифметики. Для местничества характерно было не родовое, а служебно-родовое старшинство – знатное происхождение обязательно должно было сочетаться с заслугами предков: фамилии, даже знатнейшие, представители которых долго не получали служебных назначений или «жили в опалах», оказывались «в закоснении». Измена, «мятеж», служебная «потеря» одного члена рода «мяли в отечестве» весь род и заставляли самих княжат сдерживать друг друга. Служба признавалась ценнее «породы». Действовали по пословице «Чей род любитя, тот род и выситя». А «любился»-то род государем!

Не вопреки местничеству, а благодаря ему поднялись такие люди, как Алексей Адашев и Борис Годунов. Вспомним, что «местники» – даже самые заслуженные и родовитые – униженно называли себя в челобитьях царю холопами: «В своих холопех государь волен как которого пожалует», «В том волен бог да государь; кого велика да мала учинит».

Не происходит ли в умах историков невольное смещение старины и новизны? Не привносят ли они понятия о чести

и достоинстве, пришедшие к нам с «Веком просвещения» в представления современников опричнины?

Местничество было не только обороной аристократии от центральной власти, как полагал В. О. Ключевский, но в XVI веке в еще большей мере обороной самодержавной центральной власти от сильной тогда аристократии. Оно способствовало утверждению абсолютизма и стало не нужно абсолютизму утвердившемуся.

В XVII веке местничество устарело не только с точки зрения центральной власти. Местами стали тягаться даже рядовые служилые люди, даже дьяки, и для аристократии оно стало унижительным и тягостным. Не случайно одним из инициаторов отмены местничества выступил знатнейший боярин князь Василий Васильевич Голицын, так хорошо запомнившийся нам всем по роману А. Толстого «Петр Первый».

История местничества по существу ждет еще исследователя.

Против Ивашек и Матфеек

Еще в детстве мы узнаем, что в декабре 1564 года Иван Грозный внезапно покинул Москву, направившись «неведомо куда» вместе с семьей и большой свитой. А через месяц из Александровской слободы (в сотне верст к северу от Москвы) пришли две царские грамоты. Одна – митрополиту, другая – купцам и «всему православному христианству града

Москвы». В первой из них «писаны измены боярские и воеводские и всяких приказных людей».

К царю в ответ отправилась делегация, а затем и множество народа, чтобы молить царя вернуться к власти.

Иван снизошел на просьбы с условием, что будет отныне править «яко же годно ему государю». (И тут поневоле вспомнишь одну из знаменитейших сцен знаменитой картины С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный»: по снегу тянется к царской резиденции темная цепь москвичей, а в оконнице над ними – хищный профиль царя.)

Все эти сведения взяты из вполне официальных источников того времени. Но... так ли все это было?

Начнем с того, что возбужденная и напуганная отъездом царя толпа просто не могла проникнуть в Александровскую слободу: Иван заперся там, как в военном лагере, и стража далеко не сразу допустила к нему даже двух священнослужителей высшего сана.

И обращался царь со своим посланием тоже не ко всему «православному христианству». Как раз накануне введения опричнины был создан земский собор – он-то и был, видимо, адресатом послания.

Внезапный отъезд? Но царь перед тем две недели объезжал московские монастыри и церкви, отбирая ценности. Заранее были составлены списки людей, которых царь брал с собой.

Ну, а зачем понадобился Грозному сам этот отъезд?

Очень долго его объясняли опасностью со стороны боярства. Только ли? 1564 год – год неурожая и пожаров, год тяжелейших военных неудач, год сговора против царя крымского хана с польским королем. Царский полководец князь Курбский бежит за рубеж. Бояре запротестовали (правда, робко) против начавшихся казней, и не ожидавший этого Грозный должен был временно смириться. В этом году Иван много думает о смерти и выделяет для своей могилы особый придел в Архангельском соборе. Роспись придела, как установил историк Е. С. Сизов, аллегорически передает биографию Грозного с напором на его «обиды» от бояр. И сразу же напрашиваются параллели между этой росписью и гневным ответным посланием Ивана князю Курбскому.

Словом, мысль об опричнине вызревала достаточно долго, хотя становится все яснее, что не только Грозный определял ход событий – он сам был напуган их социальным накалом. Была ли опричнина нужна? Служила ли она прогрессу? Чтобы это решить, нужно выяснить, против кого она была направлена.

Что за вопрос! Конечно, против мятежного боярства – феодалской аристократии – это ведь как будто ясно...

Но тогда почему в годы опричнины гибнут злейшие враги этой аристократии – дьяческая верхушка, фактически управлявшая всеми приказами? А ведь эти «худородные писари» никак не могли защищать боярство.

Знать сильно пострадала, но верхушка как раз уцелела;

сохранились и самые знатные Рюриковичи – князя Шуйские и самые знатные Гедиминовичи (потомки литовского великого князя) – князя Мстиславские и Вольские.

Опричина была противопоставлением боярству служилого дворянства? Но в опричниках оказалось много весьма знатных лиц, а под опалу попало огромное количество дворян.

Сильно пострадали от опричины монастыри. Но вряд ли это было, так сказать, запланировано: в первые ее годы монастыри получили от опричины прямую выгоду.

Сподвижники Ивана и сам он приложили немало усилий, чтобы приукрасить в летописях опричину и показать, что она будто бы пользовалась широкой поддержкой. И многие загадки, связанные с нею, обязаны своим существованием прямой фальсификации. Другие – результат неполноты документов. Третьи – быть может, объясняются неумением людей XX века проникнуть в дух XVI столетия. Но кроме этих загадок, у нас есть и факты.

«...Ивашка опричные замучили, а скотину его присекли, а животы (имущество) пограбелы, а дети его сбежали... В тое же деревни лук (единица обложения) пуст Матфика Пахомова, Матфика опришные убили, а скотину присекли, животы пограбелы, а дети его сбежали безвестно... В тое же деревни...» и так далее. Это – из официально-бесстрастного перечня объектов, подлежащих налогообложению, – описи новгородских земель вскоре после разгрома их опричника-

ми. На Кольском полуострове после опричника Басарги «запустили дворы и места дворовые пустые и варницы и всякие уголья».

В шестидесятых годах XVI века дорога от Ярославля до Вологды шла среди богатых селений; через двадцать лет придорожные селения были пусты.

Обезлюдели московский центр и северо-запад России. А уж Ивашки да Матфейки никак не могли быть замешаны в заговорах знати.

Сказал свое слово об опричниках и народ: в двадцатом уже веке опричниками называли царских карателей.

Если опричнина и способствовала централизации страны, то какой ценой!

И, видимо, по крайней мере на одну из связанных с опричниной загадок можно ответить четко: она принесла России прежде всего вред.

«ЗНАНИЕ – СИЛА» № 10/1969

Вадим Корецкий³. Таинственный XVII век

XVII век исполнен тайн. Разыщутся ли когда-нибудь «прелестные письма» И. И. Болотникова? До сих пор у историков нет ни одной его прокламации! Удастся ли восстановить следственное дело Степана Разина? Оно сгорело в московский пожар. Найдены три отрывка из него, девять личных вопросов Разину царя Алексея Михайловича, приговор. Это уже большой успех. Но до полного восстановления дела – далеко. Кто возглавлял «медный бунт», во время которого горожане добрались до царя? Были ли стрельцы во время знаменитой «Хованщины» лишь орудием в руках царевны Софьи и бояр? Могла ли Софья удержаться у власти, не уступить ее повзрослевшему Петру? Эти и другие вопросы ждуют ответа.

«Самая прекрасная и глубокая эмоция, которую мы испытываем, – это ощущение тайны. В ней источник всякого подлинного знания. Кому эта эмоция чужда, кто утратил способность удивляться и замирать в священном трепете, того можно считать мертвецом».

А. Эйништейн

³ Вадим Иванович Корецкий (1927–1985) – доктор исторических наук, профессор, специалист по истории феодальной России.

XVII век – переломный в русской истории. В начале его Россию потрясли бурные события, которые иностранцы-современники называли «московском трагедией», а русские кратко и выразительно «смутой». В них причудливо переплелись борьба за власть, крестьянская война, иностранная интервенция и освободительная борьба в ней.

В середине века был принят общегосударственный крепостнический кодекс – Соборное уложение 1649 года, на два столетия обрекшее русских крестьян на ужасное существование. А в ответ на закрепостительную политику, произвол господ, феодальный гнет – непрерывные восстания в городе и деревне, две грандиозные крестьянские войны, давшие современникам право называть век «бунташным».

В конце века – вслед за кровавым подавлением стрельческих восстаний – петровская реформа знаменует приступ к «европеизации» России, переход страны на капиталистический путь развития. На исторической сцене рядом с традиционными фигурами вотчинника и помещика, купца – представителя торгового капитала, ремесленника появляются купец-капиталист, мануфактурист и мастеровой.

XVII век исполнен тайн. Разыщутся ли когда-нибудь «прелестные письма» И. И. Болотникова? До сих пор у историков нет ни одной его прокламации! Удастся ли восстановить следственное дело Степана Разина? Оно сгорело в московский пожар. Найдены три отрывка из него, девять личных вопросов Разину царя Алексея Михайловича, приговор.

Это уже большой успех. Но до полного восстановления дела – далеко. Кто возглавлял «медный бунт», во время которого горожане добрались до царя? Были ли стрельцы во время знаменитой «Хованщины» лишь орудием в руках царицы Софьи и бояр? Могла ли Софья удержаться у власти, не уступить ее повзрослевшему Петру? Эти и другие вопросы ждут ответа. Я остановлюсь подробнее на нескольких загадках первого, «смутного» десятилетия, тесно между собой связанных.

Загадочные указы

*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»
Русская пословица*

*...А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день.
Так и пойдет потеха.*

А. С. Пушкин. «Борис Годунов»

Начало XVII столетия ознаменовалось на Руси страшным голодом, продолжавшимся три года и унесшим до трети населения страны. Голод дал непосредственный толчок крестьянской войне, которая готовилась предшествующим веком. Именно на рубеже XVI–XVII веков крепостное право

в России было законодательно оформлено. Но об этих-то законах, заставивших крестьян и холопов взяться за оружие, мы имеем весьма приблизительное представление. Польские интервенты, хозяйничавшие в Кремле в 1610–1611 годах, а затем московский пожар 1626 года нанесли русским архивам непоправимый урон. В результате многие важные законы не сохранились. Только совсем недавно мне удалось обнаружить летописный текст, говорящий о «заклятье» Ивана Грозного, наложенном на крестьянские выходы в Юрьев день. Прежде мы могли судить об этом указе Грозного лишь по отдельным упоминаниям в новгородских актах.

Некоторые историки полагали даже, что никакого общегосударственного законодательного акта о запрещении крестьянского выхода просто не было и «выход крестьян» отмер сам собой в силу экономических и бытовых причин. Но в новгородском приказном делопроизводстве нашлись ссылки на соответствующий указ царя Федора. Значит, он был. Однако полный его текст не разыскан до сих пор.

Но загадочный указ может быть найден! Где? В материалах Поместного приказа, например. Они хранятся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве и совсем недавно приведены в порядок. Теперь там можно искать указ. Может он найтись и в областных архивах; может оказаться и в архивах польских или шведских, куда в начале XVII века были вывезены многие русские документы.

Тексты указов Бориса Годунова о частичном разрешении

перехода крестьян в 1601–1602 годы известны, но их суть долгое время ускользала от исследователей. Полагали, что Борис Годунов, пойдя на это в голодные годы, имел в виду интересы служилого дворянства. Но тогда возникал парадокс: раньше выход в дворянских интересах запрещали, позже в дворянских же интересах разрешали. Может быть, указы Годунова 1601–1602 годов были просто временной уступкой, вырванной крестьянами в антифеодальной борьбе.

Самозванец пришел из Польши под знаменем крестьянской воли. Вознесенный на московский престол волной крестьянской войны, он включил в свой Сводный Судебник статьи из Судебника 1550 года о крестьянском выходе в Юрьев день. И почти тут же был свергнут боярами и уничтожен.

Споры вокруг гибели царевича Дмитрия

...Хотя бы тот чернец и прямой князь Дмитрий был, и он не от законное семое жоны, и не надлежало ему и не можно достигать такого великого государства Московского.

Из грамоты Бориса Годунова в Литву.

*Ох, помню! Привел меня Бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был послан послушанье...*

А. С. Пушкин. «Борис Годунов».

Самозванец объявился во владениях могущественного польского князя Адама Вишневецкого. Свою карьеру он начал с роли одного из многочисленных слуг князя в 1603 году. Первые попытки выдать себя за царевича он, видимо, предпринял еще в 1602 году. По одной версии, он во внезапном порыве возмущения открылся князю в бане, где должен был ему прислуживать. По другой, более вероятной, – княжеский слуга, тяжело заболев, поведал свою тайну священнику, а тот доложил об услышанном князю.

Вся эта история стала возможной потому, что 15 мая 1591 года в Угличе при загадочных обстоятельствах погиб царевич Дмитрий, младший сын Ивана Грозного. Мать царевича, Мария Нагая, выбежав во двор, увидела его уже на земле, с перерезанным горлом. Схватив подвернувшееся под руку полено, она набросилась на царевичеву мамку Василису Волохову, крича, что царевича зарезали сын мамки и сын дьяка Михаила Битяговского, приставленного к Нагим Борисом Годуновым. На крик прибежали братья царицы. Ударил набатный колокол. Угличане восстали. Предполагаемые убийцы и связанные с ними местные богатеи были перебиты. Поплатился жизнью и дьяк Битяговский.

Вступившие затем в город московские стрельцы учинили суровую расправу. После этого в город явилась специальная следственная комиссия во главе с хитрым князем Василием Шуйским. Недавно Борис Годунов возвратил Василия из ссылки, и тот был готов на все, чтобы выслужиться. Ко-

миссия признала, что царевич в припадке падучей болезни упал на нож. Однако в народе упорно ходили слухи, что царевича зарезали по приказанию Годунова. Позднее возникла увлекательная легенда о «подмене» и «спасении» царевича. Когда первый самозванец достиг Москвы, ее всенародно подтвердили князь Василий Иванович Шуйский, возглавлявший следственную комиссию в 1591 году, и мать царевича – Мария, в иночестве Марфа, нарочно вызванная из далекой ссылки в столицу.

Став царем после свержения самозванца, Шуйский тотчас выступил против легенды о подмене, но к прежней официальной версии, созданной при его непосредственном участии, не вернулся. Новая официальная версия по существу возрождала первоначальные убеждения матери Дмитрия и восставших угличан в том, что царевича зарезали агенты Годунова.

На маленькое тельце царевича было навалено столько трупов, следствие велось так тенденциозно, а главнейшие свидетели, не исключая матери, так кардинально меняли свои показания под влиянием политического момента и нажима со стороны властей, что гибель царевича по-разному оценивалась уже современниками. Дьяк Иван Тимофеев безоговорочно обвинял Бориса в злодеянии и даже сам брался доказать его вину. Ловкий и осмотрительный троцкий келарь Авраамий Палицын говорил о том, что инициатива в убийстве царевича принадлежала советникам, «ласка-

телям», окружавшим Бориса. Но в общем все публицисты «смутного времени» (кроме, пожалуй, такого откровенного сторонника Бориса, как патриарх Иов) признавали если не прямое, то косвенное участие Годунова в этом кровавом деле.

Мнения историков в XIX–XX веках разделились. По существу, ученые придерживались тех же самых трех версий, выдвинутых современниками Лжедмитрия (случайное самоубийство, убийство, чудесное спасение).

Решить эту загадку трудно, но можно, если принять во внимание все материалы: летописные, следственного дела, актовые и делопроизводственные, записки и письма иностранцев, проживавших тогда в России.

Вот некоторые новые аргументы против Бориса.

В «Новом летописце» говорится о том, что Годунов хотел сначала поручить убийство Никифору Чепчюгову и Владимиру Загряжскому. Те отказались и претерпели за это от всемогущего правителя притеснения – «многие беды и злые напасти содеяху им». Историк М. П. Погодин усомнился в реальности упомянутых лиц. С ним вступил в спор А. С. Пушкин, придерживавшийся версии летописца.

Реальность существования Н. Чепчюгова и В. Загряжского с тех пор подтверждена многочисленными документами. А совсем недавно исследователь А. Л. Станиславский установил, что Чепчюговы и Загряжские в конце 80-х годов XVI века были действительно «понижены родом» и выведены

из ближайшего государева окружения. Значит, наказание со стороны Годунова вправду последовало. Выходит, было и «преступление» – отказ от участия в убийстве! Советские историки М. Н. Тихомиров, И. А. Голубцов, О. А. Яковлева и другие привлекли дополнительные факты о том, что следствие по делу об убийстве велось пристрастно и что Борис Годунов был заинтересован в устранении царевича и его беспокойной родни Нагих.

О. А. Яковлева установила, что важный свидетель угличских событий Первой Болин, дворовый царевича, даже не упомянут в следственном деле, хотя он сидел в Угличе в тюрьме в течение года, а затем был сослан в Пермь и насильственно пострижен. М. Н. Тихомиров обратил внимание на щедрое награждение Борисом Годуновым всех, кто расследовал этот «несчастный случай». Член угличской следственной комиссии окольный Андрей Клешнин, правая рука Годунова, получил, например, в подарок от него целый небольшой город Печерники.

Все же часть историков по-прежнему считает, что Борис не виновен в гибели Дмитрия. И отпавшим окончательно можно считать только один вариант – спасение Дмитрия.

Таинственная личность

Ей, ей, ты будешь на коле.

Дневник Борши, польского сторонника Лжедмитрия.

*Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла.
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла.*

А. С. Пушкин. «Борис Годунов».

Личность первого самозванца, человека талантливого, мужественного, смело бросившего вызов судьбе, издавна привлекала к себе внимание не только историков, но и поэтов, драматургов, художников. Образ отважного претендента вдохновил Лопе де Вега, Фридриха Шиллера, А. С. Пушкина. Лопе де Вега следовал прокатолической тенденции. У него добывается московского престола истинный царевич. У Шиллера Дмитрий сначала видит в себе истинного царевича и только много позже узнает, что это не так. Пушкин разделял взгляды современных русских публицистов и летописцев. Те согласно считали самозванца Григорием Отрепьевым, беглым монахом Чудова монастыря, расходясь между собой лишь в некоторых деталях его биографии. Если прогодуновская правительственная версия о гибели царевича Дмитрия сразу же подверглась критике, то здесь, напротив, царило полное единодушие.

Сомнения возникли два столетия спустя – в XIX веке. Тогда было предложено несколько решений. В человеке, одиннадцать месяцев занимавшем русский престол, пытались видеть: поляка или литовца по происхождению, выкормыша

иезуитов, чуть ли не внебрачного сына польского короля Стефана Батория; некоего неизвестного русского, подготовленного боярами, чтобы свалить Бориса Годунова; истинного Рюриковича, спасенного от убийц своими добротами. Наконец, было высказано мнение о существовании двух Григориев Отрепьевых, из которых один так и остался дьяконом, а другой стал царствовать на Москве.

Но новые версии не мешали старой находить новые подтверждения. В 1851 году священник Амвросий Добротворский, посланный начальством на поиски местных исторических достопримечательностей, обнаружил в Загоровском монастыре на Волыни Постническую книгу Василия Великого, напечатанную в Остроге в 1594 году, а на книге – надпись о том, что подарил ее 14 августа 1602 года киевский воевода князь К. К. Острожский «нам, Григорию, царевичу московскому, з братею с Варламом да Мисаилом». При этом слова «царевичу московскому» приписаны позднее. Значение этой надписи еще больше возросло после того, как советские историки И. А. Голубцов и Е. Н. Кушева, независимо друг от друга, пришли к выводу, что знаменитый Извет Варлаама, спутника Григория Отрепьева во время бегства за границу, представляет собой подлинную челобитную, поданную во время царствования Василия Шуйского, а не публицистическое произведение, вышедшее из правительственных сфер. В своем Извете Варлаам описывает не только встречу с Григорием Отрепьевым в Москве и бегство в Литву, но

и совместные похождения за рубежом, в частности посещение имения князя К. К. Острожского. Известно, что за рубежом Григорий Отрепьев часто отклонялся от норм монашеского жития – пил вино, ел в постные дни мясо, водился с разгульными запорожскими казаками. Князь, исповедовавший православную веру, напоминал ему своим подарком о недопустимости такого поведения. Важной вехой в разгадывании тайны стали замечательные палеографические и филологические работы С. Пташицкого и И. Бодуэна де Куртене. Эти ученые исследовали собственноручное письмо самозванца к папе Клименту VIII, найденное в 1898 году в Ватиканском архиве католическим священником Пирлингом. По характеру ошибок и манере написания отдельных букв они заключили, что самозванец, переписавший по-польски письмо, заранее для него составленное, был русским человеком, получившим церковное образование, возможно, москвичом. Последнее утверждение требует еще дополнительных обоснований. И их, думается, можно найти, сравнивая почерк Лжедмитрия I с тем, как было принято писать в скриптории Чудова монастыря, где Григорий Отрепьев занимался перепиской книг. Споры о том, кем был Лжедмитрий I, продолжаются и в наши дни. Недавно М. Н. Тихомиров предложил видеть в нем выходца южного мелкого служилого дворянства. Выступая против отождествления самозванца с Григорием Отрепьевым, М. Н. Тихомиров не дал, однако, какого-либо другого определенного лица, биографию которого

можно было бы восстановить, ограничившись общими соображениями о быстроте, с которой самозванец сделал свою карьеру, и о том, что он хорошо знал Северскую Украину (через которую, кстати сказать, проходил во время бегства в Литву и Григорий Отрепьев).

В 1966 году в Бостоне вышла книга американского историка Ф. Барбура, в которой он прослеживает историю восхождения и краха первого самозванца. Ф. Барбур восхищается тем, что претендент прекрасно владел польским языком и знал правила этикета. Он тоже против признания самозванца Григорием Отрепьевым, хотя серьезно обосновать свою точку зрения не смог. Зато Ф. Барбур сделал важную находку, которая свидетельствует как раз против самого американского историка. Это – наиболее ранний акварельный портрет самозванца, обнаруженный в Дармштадте (ФРГ). Этот портрет помогает нам не только представить себе, как выглядел самозванец, но и понять, кем он был в действительности.

На пояском портрете Дмитрий изображен анфас на фоне роскошной драпировки, занимающей левую часть картины. Он в польской одежде. Слегка видна его правая рука. Он несколько идеализирован по сравнению с известными его изображениями на гравюрах. Но две знаменитые бородавки сохранены. У него темные волосы, несколько удлиненное лицо. Поражают умные, пронизательные глаза. Нижняя часть лица, согласно традиционным представлениям, свиде-

тельствует о силе и решимости. Справа, на уровне головы, – надпись, которой Барбур, к сожалению, не придал значения: «Demetrius Iwanowice Magnus Dux Moschoviae 1604. Aetatis swem 23», что означает: «Дмитрий Иванович Великий Князь Московии 1604. В возрасте своем 23». Прежде всего бросается в глаза, что в надписи латинские слова перемежаются с польскими. Причем отчество самозванца («Iwanowice») передано по-польски неправильно (надо «Iwnowicz»). С другой стороны, латинское слово «Moschoviae» вставкой буквы «h» – полонизировано. Следовательно, автор надписи не был в ладах ни с польской речью, ни с латынью. Автором надписи не мог быть художник. Ведь портрет и надпись имели политическую цель: пропагандировать личность и дело самозванца. Портрет в Германию привез великий маршал польского двора, человек достаточно образованный, чтобы правильно писать по-польски и латыни. И ученые иезуиты, блестящие стилисты, составлявшие для самозванца письмо к папе Клименту VIII, переписанное лично Лжедмитрием по-польски со многими ошибками, тоже не могли допустить таких промахов. Пташицкий и Бодуэн де Куртенэ уже в письме к папе обратили внимание на постоянные недоразумения самозванца с буквой «z» при написании польских слов. Характерно, что в надписи на портрете камнем преткновения оказалась та же злосчастная буква, превращенная в «e». Можно предположить, что автором надписи был сам Лжедмитрий, набросавший ее на листке бумаги, откуда она и была пункту-

ально переписана художником. В довершение всего оказывается, что Лжедмитрий I не знал точно времени рождения царевича. Согласно надписи, Лжедмитрию I в 1604 году исполнилось 23 года, тогда как царевич Дмитрий должен был достичь этого возраста лишь 19 октября 1605 года. Между тем давно установлено, что Григорий Отрепьев был старше царевича на год или два. Возраст, указанный в надписи на портрете, поразительно совпадает с возрастом Григория Отрепьева. Это новый серьезный довод в пользу того, что самозванец и Григорий Отрепьев были одним и тем же лицом.

Недавно мне удалось обнаружить послание самозванца патриарху Иову – единственный пока дошедший до нас плод его литературного творчества. Патриарх Иов был ярким и непреклонным обличителем самозванца. Он всенародно предал Лжедмитрия анафеме, по всей стране распространялись патриаршьи грамоты, называвшие самозванца Григорием Отрепьевым. В час своего торжества Лжедмитрий обратился к патриарху с посланием, где в виде «заслуг» Иова перечислялись как низкие стороны его характера – «златолюбие и сребролюбие», «властолюбие», лишь прикрытые постом и молитвой.

Называя патриарха «царского корени искоренителем» и «первым всея Руси изменником», самозванец потешался над проклятием, которому предал его Иов со всем «богоненавистным своим собором». В конце послания самозванец прямо угрожал расправиться с патриархом и всеми, кто его

поддерживает. Лжедмитрий исполнил свою угрозу. Иова лишили патриаршества и отправили в Старицкий монастырь, где когда-то он начал свою духовную карьеру. Выспренный стиль послания, полного церковных славянизмов, изощренность в изобличении слабых сторон Иова указывают на церковную образованность автора и, более того, как будто даже на его личное знакомство с патриархом. А ведь черный дьякон Григорий Отрепьев, по летописным данным, был в прошлом приближен к Иову. Возможны и новые архивные находки о Лжедмитрии I. И когда-нибудь, может быть, историки решительно и безоговорочно назовут его подлинное имя.

Личность Лжедмитрия II еще более таинственна. В царских грамотах фигурирует как «стародубский», «тушинский» или «калужский» вор. Современники строили самые невероятные догадки. Его считали школьным учителем; поповым сыном (хорошо знал церковную службу); неким Богданком, письмоводителем Лжедмитрия I; сыном князя М. Курбского; выходцем из семьи стародубских детей боярских Веревкиных. Летописец, видимо, отчаявшись примирить столь различные версии, пишет о нем, как о «человеке неизвестном». Не пришли к какому-либо определенному мнению и историки.

Зато никаких споров не вызывает вопрос, кем был Лжедмитрий III. В нем летописец, а за ним и все, писавшие о «смуте», видят дьякона Матюшку, пришедшего в Ивангород, где его нарекли царем Дмитрием Ивановичем, «с Моск-

вы из-за Яузы».

Многие мучающие историков загадки были бы, возможно, решены, если бы не одна потеря.

Пропавшая летопись

Вещи и дела, аще не написании бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написании же яко одушевлении...

Русская сентенция

Рукописи не горят.

М. Булгаков

В опричном 1568 году оборвалась официальная летопись. В 1630 году окончательно оформлен «Новый летописец». А вот летописей, которые велись между этими датами, у историков нет. Неужели летописцы прошли мимо этих трагических лет, исполненных борьбы буйных, непримиримых сил, остались равнодушны к бедствиям, обрушившимся на русскую землю, к народным страданиям, не воспели благородный патриотизм русских людей, освободивших с Мининым и Пожарским во главе Москву от интервентов? Неужели только плод фантазии – пушкинский Пимен?

Однако дело было не так. Историк В. Н. Татищев держал в руках летопись о «смуте» – «Историю Иосифа о разорении русском». Он называл ее в письме академику Шумахеру «со-

кровищем» и хотел непременно напечатать, чтобы сделать достоянием всех историков. Увы, драгоценная летопись после смерти историка сгорела в его имении. Однако ничто настоящее не исчезает бесследно. В сочинениях В. Н. Татищева сохранились ссылки на «Историю Иосифа», позволяющие получить представление о ее содержании.

О самом летописце мы знаем только, что он был келейником патриарха Иова. Но и это скупое свидетельство говорит о многом. Находясь в патриаршем окружении, пользуясь доверием Иова, живя в Москве в Чудове монастыре, в келье у патриарха, он получал огромную информацию, стекавшуюся сюда со всей страны. Многие важные события Иосиф мог наблюдать собственными глазами.

«История Иосифа» охватывает время с 1560 по 1613 год. Опричнина Ивана Грозного, судьба его сыновей, возвышение Бориса Годунова, его конфликт с боярами, появление, торжество и гибель самозванца, «разорение русское» от интервентов и героическая борьба с ними русского народа – все это нашло отражение в летописи Иосифа. А возможно, что она повествовала и о первых годах царствования Михаила Федоровича. Видимо, летописец был суров, а перо его живописало события ярко и беспристрастно. В. Н. Татищев пишет: «Монах Иосиф сказует, что он (Борис Годунов – *В. К.*) тому, которого погубить намеревался, наиболее ласкал и за великого приятеля почитал, а, погубя, со слезами лицемерно сожалел и тяжкою клятвою свою невинность утверждал:

только тайно людей погубил украдчи, что и до днесь никто не знает, где делось и как украдены».

Иосифа интересовали не только судьбы царей и борьба придворных группировок за власть, участие в ней патриарха, Годунова и других бояр, но и положение народных масс. От Иосифа мы узнали, что холопы подали челобитие Василию Шуйскому, чтобы не быть им рабами.

Как мне удалось установить, еще до Татищева летописью Иосифа воспользовался монах Желтоводского монастыря на Волге Тихон, когда составлял во второй половине XVII века так называемую Латухинскую степенную книгу. В. Н. Татищев, истинный сын своего века, убежденный рационалист, стремясь выделить политическое содержание летописи, пересказывал труд Иосифа своими словами. Тихон же, интересовавшийся теорией стихосложения и сам сочинявший вирши, натура поэтическая, привел с небольшими сокращениями подлинные куски из летописи, поражающие литературным даром автора, драматизмом и экспрессивностью в изображении событий, людских страстей и характеров. Н. М. Карамзин поместил эти куски в примечаниях к своей «Истории государства Российского». Один из них, повествующий о бегстве князя Курбского и о присылке им своего «верного раба» В. Шибанова с «досадительным письмом» к царю, пройдя через «Историю» Карамзина, вдохновил А. К. Толстого на создание баллады «Василий Шибанов», другие – использованы тем же А. К. Толстым в знаменитой драматиче-

ской трилогии.

«История Иосифа» отражена и в «Новом летописце». Поэтому, когда А. С. Пушкин, знакомый с примечаниями Н. М. Карамзина и с «Летописью о многих мятежах», представляющей одну из редакций «Нового летописца», писал в 1830 году, что при создании «Бориса Годунова» «...в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашних времен», он, не ведая того, указывал на свое следование прежде всего Иосифу. Именно Иосиф, стремившийся дойти до сути событий, предсказать их развитие и результаты, Иосиф, ясно понимавший неотвратимость исторического возмездия, более всего отвечает пушкинскому идеалу историка – «быть судьей, наблюдателем и пророком веков и народов». Именно он, в конечном счете, стал прототипом бессмертного образа Пимена. Возможно, мы бы вновь встретились с Пименом, если бы Пушкину удалось исполнить свой замысел и написать в продолжение «Бориса Годунова» – «Лжедмитрия» и «Василия Шуйского».

А встретимся ли мы еще с летописцем Иосифом? Как решить проблему пропавшей летописи? Лучший выход, конечно, – найти новый ее список. Но это зависит не только от ученых. Другой путь – путь научной ее реконструкции. С каждым шагом в решении этой проблемы будут решаться другие загадки того времени.

Нина Молева⁴. Этот непонятный XVII век

XVII век для всей Европы – век преодоления национальной ограниченности, возникновения новых, прямых и тесных связей между народами, того, что мы сегодня зовем информативным обменом. И этот процесс заявляет о себе в сложном, многогранном процессе формирования русской культуры и русского человека.

В семнадцатом столетии видится средневековый мрак, лишь кое в чем прошитый слабыми лучами будущих перемен, будущих во всем – от науки до искусства, от уклада жизни до самосознания человека. Так сложилась русская история. Скажем иначе – так стало принято ее видеть. Историки прошлого века отнюдь не давали волю фантазии, у них были доказательства в пользу этой точки зрения, доказательства, казалось, неоспоримые. Перед ними лежали архивные документы.

Правда, это были, по сути своей, первые встречи ученых с русскими архивами, первые встречи со старинным русским документом. Еще оставалось неизвестно, как его надо читать, а главное – какие выводы и когда историк вправе из до-

⁴ Молева Нина Михайловна (р. 1925) – кандидат искусствоведческих наук (на момент написания статьи), доктор исторических наук, москвовед, писатель.

кумента делать. Впрочем, само собой разумеется, что каждое слово говорит за себя, а названное в документе имя или дата остаются, не изменяются от того, как к ним подойдут.

А дальше вспомним ребенка, едва научившегося читать, едва перешедшего от букв к словам и получившего в руки слишком увлекательную книжку. Захваченный действием, полный ожидания невероятных событий, он готов угадывать, домысливать слова, буквы, фразы, самый смысл, опережая глаз, слишком медленно справляющийся с увиденным. Публиковались материалы – те, что особенно поразили воображение данного историка, подобранные так, что они, по существу, иллюстрировали его исторические представления. Тексты были слишком обширны, приходилось сокращать – за счет слов и обстоятельств, показавшихся исследователю несущественными. Так получалось часто, и в результате незаметно и неумышленно концепция стала восприниматься как документальная основа науки.

Вот один пример.

Содержание конкретного архивного документа было изложено в прошлом веке примерно так. В 1678 году живописец Оружейной палаты Иван Безмин писал «у государя на дому» портрет вступившего на престол царя Федора Алексеевича (старшего брата Петра). Искусствовед наших дней повторил за историком эти слова. Они звучали сенсационно; получалось, что речь шла об одном из первых в русском искусстве портрете с натуры!

Но вот тот же документ в оригинале. Касается он оплаты краскотера – «тер он краски у живописца у Ивана Безминова к писму ко государской персоне, которую писал он на дому ему великому государю в хоромы». Все просто – писал «персону» художник у себя дома, само собой разумеется, безо всякой натуры, по памяти, а писец приказа оговорил это обстоятельство потому, что полагалось живописцу ежедневно являться на работу в общие «светлицы». А если, кроме выбранной из многих и сокращенной записи, просмотреть подряд, без отбора, сотни соседних, то окажется, что художник писал не Федора Алексеевича, а другого, уже умершего царя.

Еще пример – все с тем же Безминым. Известен документ, согласно которому в 1686 году был художник отослан из Оружейной палаты «в разряд». Это понимали как сообщение о суровом наказании, лишении возможности заниматься живописью. Да, естественный человеческий вывод, но... В своем прошении о возвращении к работе в Оружейной палате Безмин пишет: «Послан я холоп ваш на вашу великих государей службу и будучи я холоп ваш на вашей великих государей бескорысной службе и терпел всякую нужду, из крепости многожды с ратными людьми по вестям ходил и в разборе ратных людей прибылых учинил и сверх писцовых и разборных книг сыскал приписных дворов с двести и с них ваш великих государей хлеб сбирал и на Дон по указу вашему великих государей я холоп ваш отпускал смерды». Значит, мы неверно представляли не только жизнь этого худож-

ника, но и само положение живописца на государственной службе в те годы. Безмин за свои редкие успехи в живописи получил дворянство, а как дворянин был направлен на «государскую службу» во время Крымских походов царевны Софьи. Из документов следует, что живописцам в XVII веке охотно доверяли самые ответственные государственные дела так, будто само их искусство, противостоявшее иконописи, принадлежавшей прошлому, обещало, что они не изменят делу реформ и перемен.

Журнал «Знание – сила» напечатал в последние годы немало статей, посвященных истории XVII века. И в каждой из них, по существу, звучало: «Этот удивительный XVII век – подумать только, что...» Удивление естественно. Но также естественно и новое восприятие прочитанных документов. Их сопоставление и сравнительный анализ дают многое. Через экономику и статистику, через культуру и быт, встающие из документов, не открывается ли нам через них дорога к проникновению и во внутренний мир человека тех лет?

А может, начинать с «либерей»?

Личная библиотека Ивана Грозного, о которой писали современники-иностранцы. Якобы большая. Якобы по различным отраслям знания. Якобы из печатных книг и рукописей. «Якобы», – потому что никаких свидетельств ее существования до сих пор не удалось найти.

«Либерею» видели в кремле Александровой слободы, где волей Грозного семнадцать лет находилась фактическая столица русского государства. И, конечно, есть достаточно оснований считать, что она погибла в страшную и необъяснимую зимнюю грозу 1582 года. Известно, что, уйдя обратно в Москву, вслед за телом им же самим убитого сына, Грозный больше не возвращался в слободу. Оставалась там богатейшая утварь, тем более могли остаться и книги. А спустя год после ухода Грозного над слободой, по свидетельству очевидцев, в сугробах и метели рождественских морозов разразилась гроза. Молния спалила большую часть дворца и попала точно в спальню царя, превратив в пепел лежавшие около постели в специальном сосуде списки осужденных ливонских пленников.

Сомневаться можно во многом. Почему были забыты во дворце списки осужденных? Почему за ними не прислали позже? Грозный ведь никогда не забывал о намеченных казнях... Но гроза действительно была, и дворец действительно пострадал. А вопрос о «либерее» – вопрос о том, какой же пищей духовной питались русские люди в канун XVII столетия, с чем приходили в новый век. Царь не мог служить типичным примером, но и не представлял исключения среди них. «Либерея» заключала в себе круг литературы, имевшей хождение, известной современникам.

В преддверии XVII века печатное дело находилось в центре жестокой борьбы. После Смутного времени оно стано-

вится насущной необходимостью. Московская печатня начинает работать 6 января 1615 года, как только удастся вернуть из Нижнего Новгорода мастера Никиту Фофанова с его станом, «трудившегося» на ополчение, и собрать печатников – «разбежавшихся хитрых людей». Для печати отводится место в Кремле, а спустя пять лет «особый двор на Никольской улице.

Профессия печатников оказывается, как мы бы теперь сказали, самой перспективной в столице. Только между 1620 и 1638 годами их число в Москве возрастает в семь раз.

Правительство едва успевает отводить землю – лучшую в городе, наравне со знатым иностранцами – печатным мастерам. Типографские книги множатся в числе названий, тиражах, приходит множество технических новшеств... Но в середине века число печатников в Москве начинает сокращаться. И как! К 1660-м годам их в полтора раза меньше, чем в 1638 году, и такое положение сохраняется без малейших изменений до конца века. Процесс, зафиксированный городским переписями и остававшийся незамеченным историками.

Факты надвигались лавиной, разные и чем-то смыкавшиеся. Да, часть печатника исчезала из переписей. Но... в штате государева печатного двора таких изменений не происходило. А из этого следует, что существовали в Москве иные печатные станы – частные, и вот с ними-то и начало последовательную борьбу царское окружение со времен прихода

к власти Алексея Михайловича.

Оно одерживало победы – и их результат отразили переписи. Борьбы этой не прекращают ни Федор Алексеевич, ни царевна Софья.

Существование «либерей» Грозного осталось недоказанным, но существовали – об этом свидетельствовали со всей определенностью самые прозаические документы, описи имущества – библиотеки самых обыкновенных москвичей. Конечно, по нашим представлениям, совсем маленькие – по пятнадцать-двадцать, от силы тридцать книг. Зато практически необходимые их владельцам. И вот в этих библиотеках изданий Печатного двора было слишком мало. Основное место занимала, как можно предположить, все еще рукописная книга. Но не прежняя церковная, которую вытесняла церковная же по преимуществу продукция Печатного двора. Новая.

Труды по медицине – прежде всего! – повести, книги по географии и травники, исторические хроники и труды таких известии историков, как Гваньини, М. Бельский или Стрыйковский, и словари, разные, рассчитанные на все виды читателей – от самоучек до профессиональных переводчиков. Тут и «Славяно-греко-латино-польский словарь» Епифания Славинецкого, и словарь Симеона Полоцкого, и «Лексикон языков польского и славянского скорого ради изобретения и уразумения», составитель которого специально оговаривал смысл своего труда – «в общую пользу обоих в единстве на-

родов». Знание иностранных языков – оно становится обычным. Украинский полемист Лазарь Баранович так и пишет царю о своих книгах: «Издах же языком ляцким, вем бо, яко и вашего пресветлого величества сигклит того языка не гнушается, но чтут книги и истории ляцкие и сладость». Под «сигклитом» имелись в виду приближенные Алексея Михайловича стольник Богданов, князь Кропоткин и боярский сын Андрей Матвеев, которые и сами переводили с польского языка.

Простая арифметика – с конца XVI до начала XVIII века в России были переведены только с польского языка книги 75 наименований, и ни одна из них не печаталась на Печатном дворе. Зато отделы рукописей наших, сегодняшних библиотек и музеев хранят многие десятки экземпляров их «списков». Рукописная книга – та самая, которая каких-нибудь полвека назад была препятствием на пути культурного развития государства, – в своем новом превращении становится источником новых, не поддержанных правительством, тем более церковью знаний.

К знаниям приходят по-разному

300 лет назад каждый новый перевод научной книги мог означать рождение новой профессии, но даже это частность. Главное – переводы свидетельствовали об интересе к знаниям, о потребности в научном представлении о мире.

Книги «лекарского учения» включали в себя сведения о человеческом организме, его функциях, их нарушениях и борьбе с этими нарушениями. Обычное содержание обычного учебника. Но в условиях русского XVII века сам факт обращения к подобному учебнику говорил о формировании человека, в сознании которого мир незыблемых постулатов, единожды заданных, с детства и навсегда заученных, сменялся миром представлений, проверенных жизнью, практикой, наконец, сознательно поставленным экспериментом.

Врач на Руси – как тут не вспомнить образ Бомелия с его приворотными зельями, волхованием, отравами. Народная память сохранила подробности его жизни. Еще на родине, в Англии, был он обвинен в колдовстве, заключен в лондонскую тюрьму и купил свободу ценой согласия стать шпионом на Руси. Наверно, это и было его настоящим призванием.

Рекомендованный русскому посланнику, добирается Бомелий до Александровой слободы, где находился Грозный, и нет такого поручения царя, с которым бы он не справился. Вмешательство Бомелия всегда означало смерть с той разницей, что иногда – мгновенную, иногда – в долгих мучениях. Но наступил момент, когда услужливость врача чем-то «не показалась» Грозному. Пришло подозрение, за ним пытки. В чем-то Бомелий признался, в чем-то оговорил себя, как и других, и царским повелением был сожжен на костре.

Когда все это вспомнишь, то нельзя как будто удивляться, что в Москве 1620 года числится всего один лекарь Олферий

Олферьев, само собой разумеется, тоже из иноземцев. Москвичи, полагали историки XIX века, явно обходились услугами «рудометов», пускавших кровь, и тех, кто пользовался травами, торгуя ими на дому или в торговых рядах.

Но для кого же, в каком случае предназначались переводы книг «лекарского учения»? Их не стали бы делать ради одного или даже нескольких человек. Они были ни к чему иностранцам. Круг нуждавшихся в них людей явно не ограничивался или просто вообще не был связан с царским двором. Для царя и царской семьи обязательно вызывались заграничные знаменитости, чаще – мнимые, редко – действительные.

В чем же дело? Елисея Бомелия не выдумали. Но в те же годы правления Грозного создается особый Аптекарский приказ. Специальное объединение колдунов и отравителей? Ничего подобного. В обязанности приказа входит ведать «аптечными огородами», где разводились лекарственные растения, и собственно аптеками, искать новые «лечебные произрастания», составлять травники, но, кроме того, заниматься «бережением» Москвы от моровых поветрий, эпидемий и приглашать из-за рубежа ученых врачей, помимо тех, которые состояли при самом царе. Иначе говоря, речь шла о приглашении вольнопрактикующих врачей. Прежде чем получить право на практику в Московском государстве, они должны были пройти при том же приказе профессиональное испытание. Неучей надлежало отсеивать, но,

как гласил царский указ, «без жадного озлобления».

Неожиданное предостережение! Значит, очень важным представлялось не отпугивать приезжающих вообще, они были полезны и нужны независимо от всех травников и рудометов.

К концу 1630-х годов Москва, судя по документам, насчитывает множество ученых медиков (а что, если Олферий Олферьев оказался в 1620 году в единственном числе из-за неполноты переписи или ее плохой сохранности?). В 1660-х годах свой врач есть на каждой сколько-нибудь значительной улице Белого и Земляного городов, есть доктора и в Главной Аптеке. К концу века врачей становится еще больше, причем иностранцев среди них меньше половины.

Те же переписи отмечают, что по мере роста числа врачей падает и сходит на нет в Москве число рудометов. По мере расширения аптек все меньше становится травников. Обращаясь за помощью в недугах не к молитве и не к знахарю, чье врачевание сохраняло черты первобытной магии, но к ученому медику, человек признавал силу доступного и ему и им самим приобретаемого знания. Из мистической загадки он сам в собственном сознании становился частью природы. Отсюда такое характерное для всей Европы XVII столетия увлечение анатомией и физиологией.

Анатом появляется в штате каждого почитающего себя образованным монарха. Анатомические препараты отдельных человеческих органов становятся предметом жадного

любопытства и собирательства. Именно из них составляются первые европейские публичные музеи в Дании и Голландии. И не было никаких пережитков мнимого варварства в том, что, оказавшись а 1666–1698 годах в Западной Европе, Петр I восхищается прославленным анатомическим музеем доктора Фредерика Рюиша в Амстердаме.

Рюиш был не только изумительно талантливым препаратором, он обладал исключительно ценным современниками даром собирать эти препараты в художественные композиции. Познавательное, как того требовали представления XVII века, неразрывно переплеталось с занимательным, и пораженному сходством человеческих и природных форм воображению было легче увидеть в человеке органическую часть окружающего его мира.

И разве не о том же увлечении естественными науками, более того, привычке к ним, свидетельствовали открывшиеся в начале XVIII века хирургические школы при Московском и Петербургском госпиталях? Появившиеся почти одновременно военные школы испытывали постоянную нехватку учащихся – рассчитанная на 300 человек Пушкарская школа так и не собрала ни разу больше 120, – тогда как медицинские не знали отбоя от желающих заниматься.

Едва успевшая заявить о себе отрасль знания, русская медицина после Смутного времени уже отмечена тем духом поиска, активного познания, которым проникнут в европейской истории XVII век. И это прежде всего проявляется в

фармацевтике.

Искать, чтобы найти

Корабельщики в «Сказке о царе Салтане», возродившейся на нашей почве как раз в XVII столетии, объездили весь свет в поисках диковинок. Путешественники, постоянно отправлявшиеся из Аптечного приказа, преследовали куда более прозаичную, далекую от сказочной цель – им нужны лекарственные растения. И в поисках их специальные экспедиции под защитой охотно выделяемых царем стрелецких отрядов добирались даже до границ Китая. И уж никак не прихотью, тем более царской, было стремление каждое из привезенных за тридевять земель «произрастаний» укоренить на московской земле. Делали ведь то же самое и в те же годы голландские купцы и моряки, проложившие путь в заморские колонии. Это был один из путей к «богачеству народному», как его будут представлять себе первые русские экономисты.

Мы не знаем, как и откуда появились в Москве и Подмосковье первые тутовые деревья. Но они выжили, принялись, в отдельных рощах насчитывали до 5000 корней взрослых шелковиц, и во второй половине века уже стоял вопрос о том, чтобы вызывать с юга все новых и более искусных мастеров шелкоткацкого дела для производства своих – не привозных шелковых тканей.

Вряд ли слишком просто давалось здесь, в северных краях, виноградарство. Тем не менее оно было повсеместным, знакомым множеству «хозяев». А один из выведенных на месте «виноградных дел мастером» астраханцем Саввой Леонтьевым сорт, Измайловский, обладал и вовсе редким качеством – мог сохраняться свежим целую зиму. Весь остальной виноград заготавливался впрок в патоке.

Хорошо шли бахчевые культуры – дыни, достигавшие в среднем 8 килограммов веса, арбузы. Это из Москвы в Чугуев отправляются царским указом 1660 года арбузные семена, чтобы начать «уряжать» на Дону бахчи.

Секреты удач? Они ни в чем не зависели от якобы изменившегося к нашим дням московского климата. Весной долго держались холода. Каждый летний месяц готовы были ударить заморозки. В конце сентября зачастую выпадал первый снег. Зимой жестокие морозы сменялись затяжными оттепелями, метели – дождями, и снег нередко ложился только в январе. Все зависело от умения применяться к меняющимся природным условиям, от искусства впервые зарождающейся на Руси, как и во всех остальных европейских странах, агрономии. Агрономия выступает как одна из наиболее действенных форм познания человеком природы и воздействия на нее. В том же, XVII столетии Голландия закладывает основы своего прославленного рационального земледелия, отвоевывая у моря необходимую землю.

Но есть и другая черта, роднящая опыты голландцев и

русских – массовость. Фрукты и овощи, которые сегодня представляются нам южными, выращивались не в теплицах царских или боярских хозяйств, где тратой множества сил и средств можно было достичь любых результатов. Так будет в XVIII столетии. Особенность XVII века – то, что каждое принявшееся на московской земле плодовое дерево или растение было «доступно» каждому «хозяину». Дыню ничего не стоит найти на каждом московском торгу, а соленый или моченый арбуз – не редкость в любом московском доме.

Первые опыты по механике связаны именно с сельским хозяйством, они имели целью сократить число рабочих рук на самых тяжелых и трудоемких работах. А полем для многих опытов подобного рода оказывается Измайлово, царское хозяйство, никогда не испытывавшее недостатка в рабочей силе.

Это относится к поливу – его заменяют хитроумные, по выражению современников, ирригационные системы с механической подкачкой воды. Измайловские плотины представляли собой очень значительные по масштабам технические сооружения. Одна из них, например, имела 650 метров длины при ширине 24 метра. На молотье зерна в 1670-х годах используется приводимый в действие силой воды «молотильный образец» Моисея Терентьева. Другим вариантом такого же механизма был «образец как хлеб водой молотить» Андрея Крика. На так называемом Льняном дворе действует «колесная машина» для обработки льна конструкции ра-

ботавшего в Москве английского инженера Густава Декентина. Она обрабатывала за сезон до 14000 пудов – 225 тонн сырья. Причем качество этого льна признавалось настолько высоким, что его целиком вывозили в Англию для прямого промена на лучшие сорта тонких английских сукон.

Неизбежен вопрос, что стало с такими успешными зачатками механизации в следующем столетии, не сохранившем, по сути дела, даже сколько-нибудь явственного воспоминания о них. Где причина этого непонятого забвения? Не связано ли оно с крепостным правом, которое окончательно утверждается в самых жестоких своих формах в петровские годы, лишая большинство русских земледельцев личной свободы, а вместе с нею и земли? Полная зависимость от помещика, работа на его полях, в его хозяйстве, по чужому, навязанному разумению и приказу неизбежно должна была стать на пути тех открытий и потенциалов развития, которыми отмечен XVII век.

Было это время Скобеева Фрола

Среди множества «списков» в библиотеках книги, которые можно отнести к художественной литературе как она понимается теперь, занимают меньше места, чем труды познавательного свойства. Но само их появление чрезвычайно важно. Недавно русский читатель располагал для такого рода чтения только житиями святых и немногочисленными и

малораспространенными повествованиями летописцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.